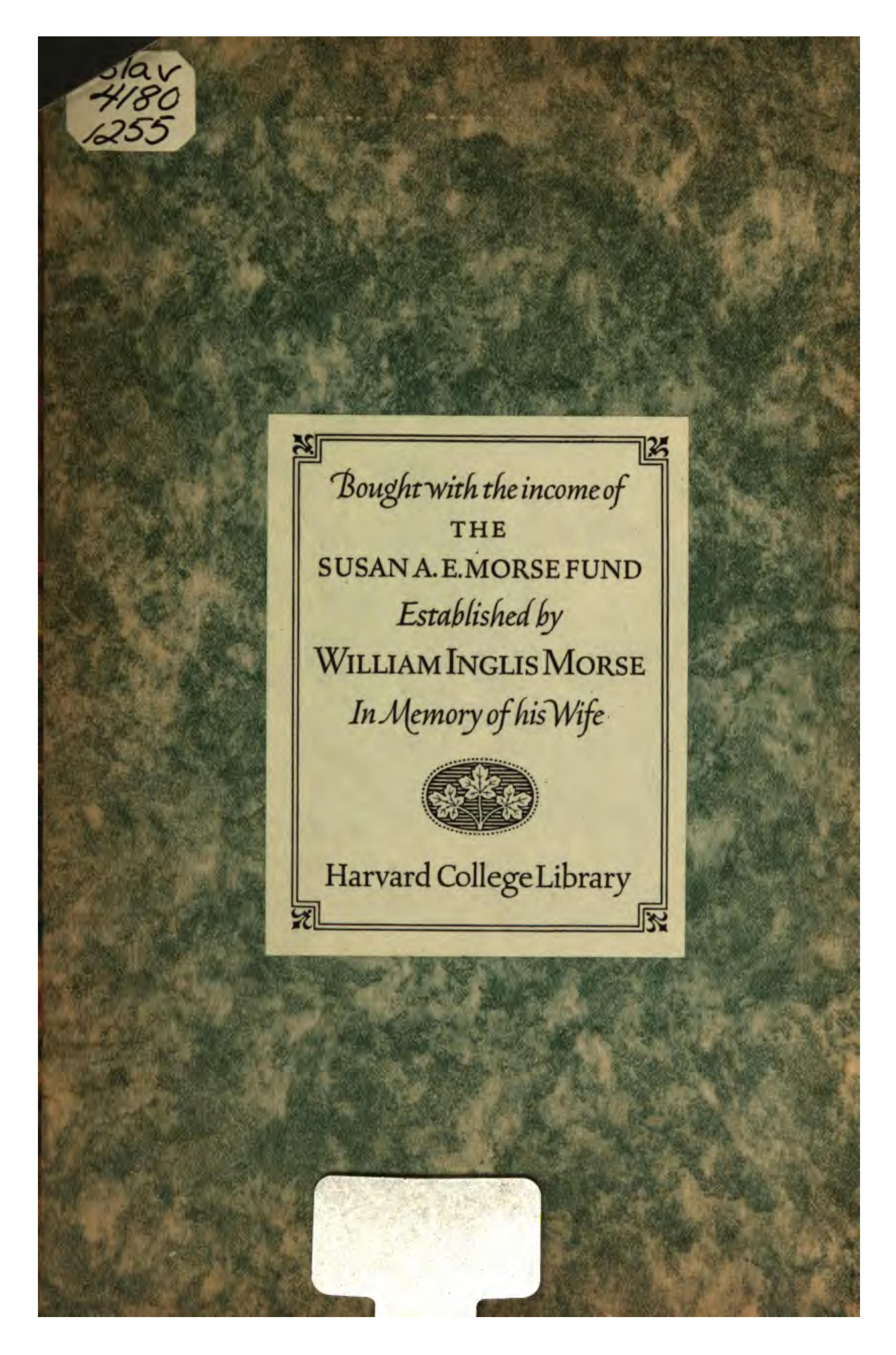

Slav 4180 1255
Bought with the income of
THE
SUSAN A. E. MORSE FUND
Established by
WILLIAM INGLIS MORSE
In Memory of his Wife
Harvard College Library

ЛИРА

СБОРНИКЪ
произведеній русской художественной лирики

СОБРАЛЪ и СОСТАВИЛЪ

М. Л. БИНШТОКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. остр., 5 лин., 28
1908

3772

Поэтъ менѣе всего способенъ
отзываться на современность.

Бѣлинскій

Оглавленіе

СТРАН.

Предисловіе

ко второму изданію

При выборѣ матеріала для настоящаго изданія составителемъ руководило желаніе собрать воедино произведенія русскихъ поэтовъ, представляющія безусловную художественную цѣнность.

Подъ художественною цѣнностью слѣдуетъ понимать произведеніе искусства, въ которомъ форма или выраженіе совершенно неотдѣлимы отъ художественной идеи (содержанія), такъ что онѣ представляютъ какъ бы органическое цѣлое, и кажется невозможнымъ данное содержаніе выразить иначе. Такимъ образомъ, художественная цѣнность опредѣляется содержаніемъ и формою, и чѣмъ лирическая піеса значительнѣе по содержанію и совершеннѣе по формѣ, тѣмъ бо́льшую художественную цѣнность она представляетъ.

Въ наше время шатанія поэтической мысли, ищущей новыхъ формъ только для того, чтобы прикрыть ими убожество поэтическихъ идей (содержанія), не нуждается въ оправданіи попытка вернуть ее на единственный правильный путь, и составитель выпускаетъ настоящее собраніе съ полной вѣрой въ его художественное значеніе и полезность, такъ какъ тотъ не любитъ и не цѣнитъ поэзіи, кто считаетъ ее дѣломъ безполезнымъ.

Первое изданіе сборника ЛИРА было выпущено въ 1901 г. (подъ названіемъ «Русская Лира») и давно разошлось.

Составитель

А. С. Пушкинъ

(1799—1837)

Поэту

(Сонетъ)

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной:
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ!

Ты—царь: живи одинъ! Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.

Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?

Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ.

Пророкъ

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынѣ мрачной я влачился,
И шестикрылый серафимъ
На перепутьѣ мнѣ явился.

Перстами, легкими, какъ сонъ,
Моихъ зѣницъ коснулся онъ:
Отверзлись вѣщія зѣницы,
Какъ у испуганной орлицы.
Моихъ ушей коснулся онъ,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И внялъ я неба содроганье,
И горній ангеловъ полетъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней лозы прозябанье.
И онъ къ устамъ моимъ приникъ,
И вырвалъ грѣшный мой языкъ,
И празднословный, и лукавый,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершія мои
Вложилъ десницею кровавой.
И онъ мнѣ грудь разсѣкъ мечемъ,
И сердце трепетное вынулъ,
И угль, пылающій огнемъ,
Во грудь отверстую водвинулъ...
Какъ трупъ, въ пустынѣ я лежалъ,
И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
«Возстань, пророкъ! И виждь, и внемли,
«Исполнись волею Моей
«И, обходя моря и земли,
«Глаголомъ жги сердца людей!»

Муза

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила.
Она внимала мнѣ съ улыбкой, и слегка

По звонкимъ скважинамъ пустого тростника
Уже наигрывалъ я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И пѣсни мирныя фригійскихъ пастуховъ.
Съ утра до вечера, въ нѣмой тѣни дубовъ,
Прилежно я внималъ урокамъ дѣвы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинувъ локоны отъ милаго чела,
Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
И сердце наполнялъ святымъ очарованьемъ.

Наперсница волшебной старины,
Другъ вымысловъ игривыхъ и печальныхъ,—
Тебя я зналъ во дни моей весны,
Во дни утѣхъ исновъ первоначальныхъ.
Я ждалъ тебя. Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старушкой,
И надо мной сидѣла въ шушунѣ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою гремушкой.
Ты, дѣтскую качая колыбель,
Мой юный слухъ напѣвами плѣнила
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, какъ легкій сонъ:
Ты отрока безпечнаго любила—
Средь важныхъ музъ тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихонько посѣтила.
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!

Какимъ огнемъ блеснулъ привѣтный взоръ!
Покровъ, клубясь волною непослушной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушный;
Вся въ локонахъ, обвитая вѣнкомъ,
Прелестная глава благоухала;
Грудь бѣлая подъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала...

Зимній вечеръ

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя,
То по кровлѣ обветшалой
Вдругъ соломой зашумитъ,
То, какъ путникъ запоздалый,
Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая лачужка
И печальна, и темна.
Что же ты, моя старушка,
Пріумолкла у окна?
Или бури завываньемъ
Ты, мой другъ, утомлена,
Или дремлешь подъ жужжаньемъ
Своего веретена?

Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

Спой мнѣ пѣсню, какъ синица
Тихо за моремъ жила;
Спой мнѣ пѣсню, какъ дѣвица
За водой по утру шла.

Буря мглою небо кроетъ,
Вихри снѣжные крутя:
То, какъ звѣрь, она завоетъ,
То заплачетъ, какъ дитя.
Выпьемъ, добрая подружка
Бѣдной юности моей!
Выпьемъ съ горя; гдѣ же кружка?
Сердцу будетъ веселѣй.

Бѣсы

(Шалость)

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Ѣду, ѣду въ чистомъ полѣ;
Колокольчикъ: динь-динь-динь...
Страшно, страшно поневолѣ
Средь невѣдомыхъ равнинъ!

— Эй, пошелъ, ямщикъ!... «Нѣтъ мочи:
«Конямъ, баринъ, тяжело;
«Вьюга мнѣ слипаетъ очи;
«Всѣ дороги занесло;
«Хоть убей, слѣда не видно;
«Сбились мы. Что дѣлать намъ?

«Въ полѣ бѣсъ насъ водитъ, видно,
«Да кружитъ по сторонамъ.

«Посмотри: вонъ, вонъ играетъ,
«Дуетъ, плюетъ на меня;
«Вонъ теперь въ оврагъ толкаетъ
«Одичалаго коня;
«Тамъ верстою небывалой
«Онъ торчалъ передо мной,
«Тамъ сверкнулъ онъ искрой малой
«И пропалъ во тьмѣ пустой».

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Силъ намъ нѣтъ кружиться долѣ...
Колокольчикъ вдругъ умолкъ!
Кони стали...—Что тамъ въ полѣ?
«Кто ихъ знаетъ: пень иль волкъ?»

Вьюга злится, вьюга плачетъ;
Кони чуткіе храпятъ;
Вонъ, ужъ онъ далече скачетъ,
Лишь глаза во мглѣ горятъ!
Кони снова понеслися;
Колокольчикъ: динь-динь-динь...
Вижу: духи собралися
Средь бѣлѣющихъ равнинъ.

Безконечны, безобразны,
Въ мутной мѣсяца игрѣ
Закружились бѣсы разны,
Будто листья въ ноябрѣ...
Сколько ихъ! Куда ихъ гонятъ?

Что такъ жалобно поютъ?
Домового ли хоронятъ?
Вѣдьму ль замужъ выдаютъ?...

Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна.
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ...

Кавказъ

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышинѣ
Стою надъ снѣгами, у края стремнины:
Орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины,
Паритъ неподвижно со мной наравнѣ.
Отселѣ я вижу потоковъ рожденье
И первое грозныхъ обваловъ движенье.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной;
Сквозь нихъ, низвергаясь, шумятъ водопады;
Подъ ними утесовъ нагія громады;
Тамъ, ниже, мохъ тощій, кустарникъ сухой;
А тамъ уже рощи, зеленыя сѣни,
Гдѣ птицы щебечутъ, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ,
И ползаютъ овцы по злачнымъ стремнинамъ;
И пастырь нисходитъ къ веселымъ долинамъ,
Гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ брегахъ,

И нищій наѣздникъ таится въ ущельѣ,
Гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельѣ.

Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной;
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной,
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады:
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неизъяснимой синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ развалинъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ пѣлъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь, во мглѣ ночной,
Адріатической волной,
Повторены его октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзецъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?...
. . . .

Узникъ

Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
Вскормленный на волѣ орелъ молодой,

Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
Кровавую пищу клюетъ подъ окномъ.

Клюетъ и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
Какъ будто со мною задумалъ одно;
Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
И вымолвить хочетъ: «Давай, улетимъ!

«Мы вольныя птицы; пора, братъ, пора!
«Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
«Туда, гдѣ синѣютъ морскіе края,
«Туда, гдѣ гуляемъ... лишь вѣтеръ да я!...»

Когда бъ не смутное влеченье
Чего-то жаждущей души,
Я здѣсь остался бъ наслажденье
Вкушать въ невѣдомой тиши.

Забылъ бы всѣхъ желаній трепетъ,
Мечтою бъ цѣлый міръ назвалъ—
И все бы слушалъ этотъ лепетъ,
Все бъ эти ножки цѣловалъ...

Я васъ любилъ: любовь еще, быть можетъ,
Въ душѣ моей угасла не совсѣмъ;
Но пусть она васъ больше не тревожитъ,
Я не хочу печалить васъ ничѣмъ.

Я васъ любилъ безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томимъ...
Я васъ любилъ такъ искренно, такъ нѣжно,
Какъ дай вамъ Богъ любимой быть другимъ.

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

Въ томленьяхъ грусти безнадежной,
Въ тревогахъ шумной суеты
Звучалъ мнѣ долго голосъ нѣжный,
И снились милыя черты.

Шли годы. Бурь порывъ мятежный
Разсѣялъ прежнія мечты,
И я забылъ твой голосъ нѣжный,
Твои небесныя черты.

Въ глуши, во мракѣ заточенья,
Тянулись долго дни мои
Безъ божества, безъ вдохновенья,
Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.

Душѣ настало пробужденье:
И вотъ, опять явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты.

И сердце бьется въ упоеньѣ,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать;
Я говорилъ: тому, что было,
Ужъ не бывать, ужъ не бывать!

Прошли восторги и печали,
И легковѣрныя мечты...
Но вотъ опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты!..

Разставаніе

Въ послѣдній разъ твой образъ милый
Дерзаю мысленно ласкать,
Будить мечту сердечной силой
И съ нѣгой робкой и унылой
Твою любовь воспоминать.

Бѣгутъ, мѣняясь, наши лѣта,
Мѣняя все, мѣняя насъ:
Ужъ ты для страстнаго поэта
Могильнымъ сумракомъ одѣта,
И для тебя твой другъ угасъ.

Прими же, дальняя подруга,
Прощанье сердца моего,
Какъ овдовѣвшая супруга,
Какъ другъ, обнявшій молча друга
Передъ изгнаніемъ его.

Туча

Послѣдняя туча разсѣянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тѣнь,
Одна ты печалишь ликующій день.

Ты небо недавно кругомъ облегала,
И молнія грозно тебя обвивала;
И ты издавала таинственный громъ,
И алчную землю поила дождемъ.

Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освѣжилась и буря промчалась,
И вѣтеръ, лаская листочки древесъ,
Тебя съ успокоенныхъ гонитъ небесъ.

Калмычкѣ

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, на зло моихъ затѣй,
Меня похвальная привычка
Не увлекла, среди степей,
Вслѣдъ за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосокъ носъ, и лобъ широкъ,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелкомъ не сжимаешь ногъ;
По-англійски, предъ самоваромъ,
Узоромъ хлѣба не крошишь,
Не восхищаешься Сенъ-Маромъ,
Слегка Шекспира не цѣнишь,
Не погружаешься въ мечтанье,
Когда нѣтъ мысли въ головѣ,
Не распѣваешь: Ma dov'è,
Галопъ не прыгаешь въ собраньѣ...
Что нужды? Ровно полчаса,
Пока коней мы запрягали,
Мнѣ умъ и сердце занимали

Твой взоръ и дикая краса...
Друзья! Не все ль одно и то же
Забыться праздною душой
Въ блестящей залѣ, въ модной ложѣ
Или въ кибиткѣ кочевой?

Напрасно я бѣгу къ сіонскимъ высотамъ,
Грѣхъ алчный гонится за мною по пятамъ:
Такъ, ревомъ яростнымъ пустыню оглашая,
Взметая лапой пыль и гриву потрясая,
И ноздри пыльныя уткнувъ въ песокъ зыбучій,
Голодный левъ слѣдитъ оленя бѣгъ пахучій.

Элегія

Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье
Мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье.
Но какъ вино—печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй.
Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Но не хочу, о други, умирать!
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать;
И вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья
Межъ горестей, заботъ и треволненья:
Порой опять гармоніей упьюсь,
Надъ вымысломъ слезами обольюсь,
И, можетъ быть, на мой закатъ печальной
Блеснетъ любовь улыбкою прощальной.

Воспоминаніе

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день,
И на нѣмыя стогны града
Полупрозрачная наляжетъ ночи тѣнь
И сонъ, дневныхъ трудовъ награда—

Въ то время для меня влачатся въ тишинѣ
Часы томительнаго бдѣнья:
Въ бездѣйствіи ночномъ живѣй горятъ во мнѣ
Змѣи сердечной угрызенья;

Мечты кипятъ; въ умѣ, подавленномъ тоской,
Тѣснится тяжкихъ думъ избытокъ;
Воспоминаніе безмолвно предо мной
Свой длинный развиваетъ свитокъ...

И, съ отвращеніемъ читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но строкъ печальныхъ не смываю.

. . . . Вновь я посѣтилъ
Тотъ уголокъ земли, гдѣ я провелъ
Отшельникомъ два года незамѣтныхъ.
Ужъ десять лѣтъ ушло съ тѣхъ поръ, и много
Перемѣнилось въ жизни для меня,
И самъ, покорный общему закону,
Перемѣнился я; но здѣсь опять
Минувшее меня объемлетъ живо—
И кажется, вчера еще бродилъ
Я въ этихъ рощахъ.

Вотъ опальный домикъ,
Гдѣ жилъ я съ бѣдной нянею моей.
Уже старушки нѣтъ, ужъ за стѣною
Не слышу я шаговъ ея тяжелыхъ,
Ни утреннихъ ея дозоровъ,
А вечеромъ, при завываньи бури,
Ея разсказовъ, мною затверженныхъ
Отъ малыхъ лѣтъ, но никогда не скучныхъ...
Вотъ холмъ лѣсистый, надъ которымъ часто
Я сиживалъ недвижимъ и глядѣлъ
На озеро, воспоминая съ грустью
Иные берега, иныя волны...
Межъ нивъ златыхъ и пажитей зеленыхъ
Оно, синѣя, стелется широко;
Черезъ его невѣдомыя воды
Плыветъ рыбакъ и тянетъ за собой
Убогій неводъ. По брегамъ отлогимъ
Разсѣяны деревни; тамъ, за ними,
Скривилась мельница, насилу крылья
Ворочая при вѣтрѣ...

На границѣ
Владѣній дѣдовскихъ, на мѣстѣ томъ,
Гдѣ въ гору подымается дорога,
Изрытая дождями, три сосны
Стоятъ: одна поодаль, двѣ другія
Другъ къ дружкѣ близко. Здѣсь, когда ихъ мимо
Я проѣзжалъ верхомъ, при свѣтѣ лунной ночи,
Знакомымъ шумомъ шорохъ ихъ вершинъ
Меня привѣтствовалъ. По той дорогѣ
Теперь поѣхалъ я, и предъ собою
Увидѣлъ ихъ опять; онѣ все тѣ же,
Все тотъ же ихъ знакомый слуху шорохъ;

Но около корней ихъ устарѣлыхъ,
Гдѣ нѣкогда все было пусто, голо,
Теперь младая роща разрослась;
Зеленая семья кругомъ тѣснится
Подъ сѣнью ихъ, какъ дѣти. А вдали,
Стоитъ одинъ угрюмый ихъ товарищъ,
Какъ старый холостякъ, и вкругъ него
Попрежнему все пусто.

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, позднiй возрастъ,
Когда перерастешь моихъ знакомцевъ
И старую главу ихъ заслонишь
Отъ глазъ прохожаго. Но пусть мой внукъ
Услышитъ вашъ привѣтный шумъ, когда,
Съ прiятельской бесѣды возвращаясь,
Веселыхъ и прiятныхъ мыслей полнъ,
Пройдетъ онъ мимо васъ во мракѣ ночи
И обо мнѣ вспомянетъ...

Осень

Чего въ мой дремлющій тогда не
входитъ умъ?
Державинъ.

I.

Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ
Послѣдніе листы съ нагихъ своихъ вѣтвей;
Дохнулъ осенній хладъ, дорога промерзаетъ;
Журча, еще бѣжитъ за мельницу ручей,
Но прудъ уже застылъ; сосѣдъ мой поспѣшаетъ
Въ отъѣзжія поля съ охотою своей —

И страждутъ озими отъ бѣшеной забавы,
И будитъ лай собакъ уснувшія дубравы.

. . . .

V.

Дни поздней осени бранятъ обыкновенно,
Но мнѣ она мила, читатель дорогой;
Красою тихою, блистающей смиренно,
Какъ нелюбимое дитя въ семьѣ родной,
Къ себѣ меня влечетъ. Сказать вамъ откровенно,
Изъ годовыхъ временъ, я радъ лишь ей одной.
Въ ней много добраго, любовникъ не тщеславный,
Умѣлъ я отыскать мечтою своенравной.

VI.

Какъ это объяснить? Мнѣ нравится она,
Какъ, вѣроятно, вамъ чахоточная дѣва
Порою нравится. На смерть осуждена,
Бѣдняжка клонится безъ ропота, безъ гнѣва,
Улыбка на устахъ увянувшихъ видна:
Могильной пропасти она не слышитъ зѣва;
Играетъ на лицѣ еще багровый цвѣтъ;
Она жива еще сегодня—завтра нѣтъ...

VII.

Унылая пора, очей очарованье,
Пріятна мнѣ твоя прощальная краса!
Люблю я пышное природы увяданье,
Въ багрецъ и въ золото одѣтые лѣса,
Въ ихъ сѣняхъ вѣтра шумъ и свѣжее дыханье,
И мглой волнистою покрыты небеса,
И рѣдкій солнца лучъ, и первые морозы,
И отдаленныя сѣдой зимы угрозы.

VIII.

И съ каждой осенью я расцвѣтаю вновь;
Здоровью моему полезенъ русскій холодъ;
Къ привычкамъ бытія вновь чувствую любовь:
Чредой слетаетъ сонъ, чредой находитъ голодъ;
Легко и радостно играетъ въ сердцѣ кровь,
Желанія кипятъ; я снова счастливъ, молодъ,
Я снова жизни полнъ: таковъ мой организмъ...
(Извольте мнѣ простить ненужный прозаизмъ).

IX.

Ведутъ ко мнѣ коня; въ раздоліи открытомъ,
Махая гривою, онъ всадника несетъ —
И звонко подъ его блистающимъ копытомъ
Звенитъ промерзлый долъ и трескается ледъ.
Но гаснетъ краткій день, и въ камелькѣ забытомъ
Огонь опять горитъ; то яркій свѣтъ ліетъ,
То тлѣетъ медленно; а я надъ нимъ читаю,
Иль думы долгія въ душѣ моей питаю.

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ движеньемъ,
Трепещетъ и звучитъ, и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ —
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

. . . .

XII.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѳмы легкія навстрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо—къ бумагѣ...
Минута—и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ, недвижимъ, корабль въ недвижной влагѣ,
Но, чу!... Матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ—и паруса надулись, вѣтра полны:
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

2 ноября 1829

Зима. Что дѣлать намъ въ деревнѣ? Я встрѣчаю
Слугу, несущаго мнѣ утромъ чашку чаю,
Вопросами: тепло ль? утихла ли метель?
Пороша есть иль нѣтъ? и можно ли постель
Покинуть для сѣдла, иль лучше до обѣда
Возиться съ старыми журналами сосѣда?
Пороша. Мы встаемъ, и тотчасъ на коня,
И рысью по полю при первомъ свѣтѣ дня;
Арапники въ рукахъ, собаки вслѣдъ за нами;
Глядимъ на бѣлый снѣгъ прилежными глазами;
Кружимся, рыскаемъ и поздней ужъ порой,
Двухъ зайцевъ протравивъ, являемся домой.
Куда какъ весело! Вотъ вечеръ: вьюга воетъ,
Свѣча темно горитъ; стѣсняясь, сердце ноетъ;
По каплѣ, медленно, глотаю скуки ядъ.
Читать хочу—глаза надъ буквами скользятъ,
А мысли далеко... Я книгу закрываю,
Беру перо, сижу, невольно вырываю
У музы дремлющей несвязныя слова.

Ко звуку звукъ нейдетъ... Теряю всѣ права
Надъ риѳмой, надъ моей прислужницею странной:
Стихъ вяло тянется, холодный и туманный.
Усталый, съ лирою я прекращаю споръ.
Иду въ гостиную: тамъ слышу разговоръ
О близкихъ выборахъ, о сахарномъ заводѣ...
Хозяйка хмурится, въ подобіе погодѣ,
Стальными спицами проворно шевеля,
Иль про червоннаго гадаетъ короля.
Тоска! Такъ день за днемъ идетъ въ уединеньѣ!
Но если подъ вечеръ въ печальное селенье,
Когда за шашками сижу я въ уголкѣ,
Пріѣдетъ издали, въ кибиткѣ, иль въ возкѣ,
Нежданная семья—старушка, двѣ дѣвицы
(Двѣ бѣлокурыя, двѣ стройныя сестрицы) —
Какъ оживляется глухая сторона!
Какъ жизнь, о Боже мой, становится полна!
Сначала косвенно-внимательные взоры,
Потомъ словъ нѣсколько, потомъ и разговоры,
А тамъ — и дружный смѣхъ, и пѣсни вечеркомъ,
И вальсы рѣзвые, и шопотъ за столомъ,
И взоры томные, и вѣтреныя рѣчи,
На узкой лѣстницѣ замедленныя встрѣчи...
И дѣва въ сумерки выходитъ на крыльцо:
Открыта шея, грудь, — и вьюга ей въ лицо!
Но бури сѣвера не вредны русской розѣ.
Какъ жарко поцѣлуй пылаетъ на морозѣ!
Какъ дѣва русская свѣжа въ пыли снѣговъ!...

Трудъ

Мигъ вожделѣнный насталъ. Оконченъ мой трудъ многолѣтній.
Что жъ непонятная грусть тайно тревожитъ меня?
Или, свой подвигъ свершивъ, я стою, какъ поденщикъ ненужный,
Плату пріявшій свою, чуждый работѣ другой?
Или жаль мнѣ труда, молчаливаго спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатовъ святыхъ?

Аріонъ

Насъ было много на челнѣ:
Иные парусъ напрягали,
Другіе дружно упирали
Въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ,
На руль склонясь, нашъ кормщикъ умный
Въ молчаньѣ правилъ грузный челнъ;
А я — безпечной вѣры полнъ —
Пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ лоно волнъ
Измялъ съ налету вихорь шумный...
Погибъ и кормщикъ, и пловецъ!
Лишь я, таинственный пѣвецъ,
На берегъ выброшенъ грозою,
Я гимны прежніе пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнцѣ, подъ скалою.

Exegi monumentum...
Horatius.

Я памятникъ себѣ воздвигъ нерукотворный;
Къ нему не заростетъ народная тропа;
Вознесся выше онъ главою непокорной
Александрійскаго столпа.

Нѣтъ! Весь я не умру! Душа въ завѣтной лирѣ
Мой прахъ переживетъ и тлѣнья убѣжитъ—
И славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ
Живъ будетъ хоть одинъ піитъ.

Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой,
И назоветъ меня всякъ сущій въ ней языкъ:
И гордый внукъ славянъ, и финнъ, и нынѣ дикій
Тунгузъ, и другъ степей калмыкъ.

И долго буду тѣмъ любезенъ я народу,
Что чувства добрыя я лирой пробуждалъ,
Что въ мой жестокій вѣкъ возславилъ я свободу
И милость къ падшимъ призывалъ.

Велѣнью Божію, о муза, будь послушна:
Обиды не страшись, не требуя вѣнца;
Хвалу и клевету пріемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Ѳ. А. Туманскій

(1801—1860)

Птичка

Вчера я растворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей:
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньѣ голубого дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ бы молилась за меня.

Н. М. Языковъ

(1803—1846)

Пловецъ

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумитъ оно,
Въ роковомъ его просторѣ
Много бѣдъ погребено.

Смѣло, братья! Вѣтромъ полный,
Парусъ мой направилъ я:
Полетитъ на скользки волны
Быстрокрылая ладья!

Облака бѣгутъ надъ моремъ,
Крѣпнетъ вѣтеръ, зыбь чернѣй:
Будетъ буря! Мы поспоримъ
И помужествуемъ съ ней.

Смѣло, братья! Туча грянетъ,
Закипитъ громада водъ,
Выше валъ сердитый встанетъ,
Глубже бездна упадетъ!

Тамъ, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнѣютъ неба своды,
Не проходитъ тишина.

Но туда выносятъ волны
Только сильнаго душой!...
Смѣло, братья! Бурей полный,
Прямъ и крѣпокъ парусъ мой.

Вечеръ

Ложатся тѣни горъ на дремлющій заливъ;
Прибрежные сады лимоновъ и оливъ
Пустѣютъ; чуть блеститъ надъ моремъ западъ ясный—
И скоро Божій день, веселый и прекрасный,
Съ огнистымъ пурпуромъ и золотомъ, уйдетъ
Изъ чистаго стекла необозримыхъ водъ.

Элегія

Богъ вѣсть, не втунѣ ли скитался
Въ чужихъ странахъ я много лѣтъ!
Мой черный день не разгулялся,
Мнѣ утѣшенья нѣтъ какъ нѣтъ:
Печальный, трепетный и томный,
Назадъ, въ отеческій мой домъ,
Спѣшу, какъ птица въ кустъ укромный
Спѣшитъ, забитая дождемъ.

Молитва

Молю Святое Провидѣнье:
Оставь мнѣ тягостные дни,
Но дай желѣзное терпѣнье,
Но сердце мнѣ окамени!

Пусть, неизмѣненъ, жизни новой
Приду къ таинственнымъ вратамъ,
Какъ Волги валъ бѣлоголовый
Доходитъ цѣлый къ берегамъ!

Ѳ. И. Тютчевъ

(1803—1873)

Весеннія воды

Еще въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ,
А воды ужъ весной шумятъ,
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ.

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Весна идетъ, весна идетъ,
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ!»

Весна идетъ, весна идетъ!
И тихихъ, теплыхъ майскихъ дней
Румяный, свѣтлый хороводъ
Толпится весело за ней

Весенняя гроза

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.

Гремятъ раскаты молодые,
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ,
Повисли перлы дождевые
И солнце нити золотитъ.

Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный —
Все вторитъ весело громамъ...

Ты скажешь: вѣтреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящій кубокъ съ неба,
Смѣясь, на землю пролила.

Песокъ сыпучій по колѣни...
Мы ѣдемъ; поздно, меркнетъ день,
И сосенъ по дорогѣ тѣни
Уже въ одну слилися тѣнь.

Чернѣй и чаще боръ глубокій...
Какія грустныя мѣста!...
Ночь хмурая, какъ звѣрь стоокій,
Глядитъ изъ каждаго куста.

Что ты клонишь надъ водами,
Ива, макушку свою
И дрожащими листами,
Словно жадными устами,
Ловишь бѣглую струю?

Хоть томится, хоть трепещетъ
Каждый листъ твой надъ струей...
Но струя бѣжитъ и плещетъ,
И, на солнцѣ нѣжась, блещетъ,
И смѣется надъ тобой.

Покинутая вилла

И, распростясь съ тревогою житейской,
И кипарисной рощей заслонясь,
Блаженной тѣнью—тѣнью елисейской—
Она заснула въ добрый часъ.

И вотъ, тому ужъ вѣка два иль болѣ,
Волшебною мечтой ограждена,
Въ своей цвѣтущей опочивъ юдоли,
На волю неба предалась она.

Но небо здѣсь къ землѣ такъ благосклонно:
И много лѣтъ и теплыхъ южныхъ зимъ
Провѣяло надъ нею, полусонной,
Не тронувши ея крыломъ своимъ.

Попрежнему фонтанъ въ углу лепечетъ,
Подъ потолкомъ гуляетъ вѣтерокъ,
И ласточка влетаетъ и щебечетъ—
И спитъ она—и сонъ ея глубокъ.

И мы вошли: все было такъ спокойно,
Такъ все отъ вѣка мирно и темно!
Фонтанъ журчалъ, недвижимо и стройно
Сосѣднiй кипарисъ глядѣлъ въ окно.

Вдругъ все смутилось: судорожный трепетъ
По вѣтвямъ кипариснымъ пробѣжалъ;
Фонтанъ замолкъ—и нѣкiй чудный лепетъ
Какъ бы сквозь сонъ, невнятно прошепталъ.

Что это, другъ? Иль злая жизнь недаромъ—
Та жизнь, увы, что въ насъ тогда текла—
Та злая жизнь, съ ея мятежнымъ жаромъ,
Черезъ порогъ завѣтный перешла?

Я помню время золотое,
Я помню сердцу милый край.
День вечерѣлъ. Мы были двое,
Внизу, въ тѣни, шумѣлъ Дунай.

И на холму, тамъ, гдѣ, бѣлѣя,
Руина замка въ даль глядитъ,
Стояла ты, младая фея,
На мшистый опершись гранитъ,

Ногой младенческой касаясь
Обломковъ груды вѣковой.
И солнце медлило, прощаясь
Съ холмомъ, и съ замкомъ, и съ тобой.

И вѣтеръ тихій мимолетомъ
Твоей одеждою игралъ
И съ дикихъ яблонь цвѣтъ за цвѣтомъ
На плечи юныя свѣвалъ.

Ты беззаботно въ даль глядѣла,
Край неба дымно гасъ въ лучахъ,
День догоралъ, звучнѣе пѣла
Рѣка въ померкшихъ берегахъ.

И ты съ веселостью безпечной
Счастливый провожала день,
И сладко жизни быстротечной
Надъ нами пролетала тѣнь.

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто въ лѣтній жаръ и зной,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по жаркой мостовой;

Кто смотритъ вскользь черезъ ограду
На тѣнь деревьевъ, злакъ долинъ,
На недоступную прохладу
Роскошныхъ свѣтлыхъ луговинъ.

Не для него гостепріимной
Деревья сѣнью разрослись;
Не для него, какъ облакъ дымной,
Фонтанъ на воздухѣ повисъ;

Лазурный гротъ, какъ изъ тумана,
Напрасно взоръ его манитъ,
И пыль росистаго фонтана
Главы его не освѣжитъ...

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто жизненной тропой,
Какъ бѣдный нищій мимо саду,
Бредетъ по знойной мостовой.

———

Слезы людскія, о, слезы людскія!
Льетесь вы ранней и поздней порой,
Льетесь безвѣстныя, льетесь незримыя,
Неистощимыя, неисчислимыя,
Льетесь, какъ льются струи дождевыя
Въ осень глухую, порою ночной.

В. Г. Бенедиктовъ

(1807—1873)

Я помню приволье широкихъ дубравъ —
Я помню край дикій. Тамъ, въ годы забавъ,
Невинной безпечности полный,
Я видѣлъ — синѣлась, шумѣла вода:
Далеко, далеко — не знаю, куда —
Катились все волны да волны.

Я отрокомъ часто на брегѣ стоялъ,
Безъ мысли, но съ чувствомъ на влагу взиралъ,
И всплески мнѣ ноги лобзали.
Въ дали безконечной виднѣлись лѣса —
Туда мнѣ хотѣлось: у нихъ небеса
На самыхъ вершинахъ лежали.

А. В. Кольцовъ

(1808—1842)

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь весна на дворѣ,
Вѣдь сосѣди твои
Работáютъ давно.

Встань, проснись, подымись,
На себя погляди:
Чтó ты былъ? и чтó сталъ?
И чтó есть у тебя?

На гумнѣ—ни снопа,
Въ закромахъ—ни зерна,
На дворѣ, по травѣ—
Хоть шаромъ покати.

Изъ клѣтей домовой
Соръ метлою посмелъ,
И лошадокъ, за долгъ,
По сосѣдямъ развелъ.

И подъ лавкой сундукъ
Опрокинутъ лежитъ,
И, погнувшись, изба,
Какъ старушка, стоитъ.

Вспомни время свое,
Какъ катилось оно
По полямъ и лугамъ
Золотою рѣкой,

Со двора и гумна
По дорожкѣ большой,
По селамъ, городамъ,
По торговымъ людямъ!

И какъ двери ему
Растворяли вездѣ,
И въ почетномъ углу
Было мѣсто твое!

А теперь, подъ окномъ
Ты съ нуждою сидишь,
И весь день на печи
Безъ просыпу лежишь.

А въ поляхъ, сиротой,
Хлѣбъ нескошенъ стоитъ:
Вѣтеръ точитъ зерно,
Птица клюетъ его!...

Что ты спишь, мужичокъ?
Вѣдь ужъ лѣто прошло,
Вѣдь ужъ осень на дворъ
Черезъ прясло глядитъ.

Вслѣдъ за нею зима
Въ теплой шубѣ идетъ,
Путь снѣжкомъ порошитъ,
Подъ санями хруститъ.

Всѣ сосѣди на нихъ
Хлѣбъ везутъ, продаютъ,
Собираютъ казну,
Бражку ковшикомъ пьютъ.

Пѣсня старика

Осѣдлаю коня,
Коня быстрова,
Я помчусь, полечу
Легче сокола,

Чрезъ поля, за моря
Въ дальню сторону,
Догоню, ворочу
Мою молодость!

Приберусь—и явлюсь
Прежнимъ молодцемъ,
И приглянусь опять
Краснымъ дѣвицамъ!...

Но, увы, нѣтъ дорогъ
Къ невозвратному!
Никогда не взойдетъ
Солнце съ запада!

М. Ю. Лермонтовъ

(1814—1841)

Пророкъ

Съ тѣхъ поръ, какъ Вѣчный Судія
Мнѣ далъ всевѣдѣнье пророка,
Въ очахъ людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Провозглашать я сталъ любви
И правды чистыя ученья:
Въ меня всѣ ближніе мои
Бросали бѣшено каменья.

Посыпалъ пепломъ я главу,
Изъ городовъ бѣжалъ я нищій,
И вотъ, въ пустынѣ я живу,
Какъ птицы—даромъ Божьей пищи.

Завѣтъ Предвѣчнаго храня,
Мнѣ тварь покорна тамъ земная,
И звѣзды слушаютъ меня,
Лучами радостно играя.

Когда же черезъ шумный градъ
Я пробираюсь торопливо,

То старцы дѣтямъ говорятъ
Съ улыбкою самолюбивой:

«Смотрите: вотъ примѣръ для васъ!
«Онъ гордъ былъ, не ужился съ нами;
«Глупецъ—хотѣлъ увѣрить насъ,
«Что Богъ гласитъ его устами!

«Смотрите жъ, дѣти, на него,
«Какъ онъ угрюмъ, и худъ, и блѣденъ!
«Смотрите, какъ онъ нагъ и бѣденъ!
«Какъ презираютъ всѣ его!»

Поэтъ

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ:
Клинокъ надежный, безъ порока;
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба,
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была бъ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь, родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;

Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы! безславный и безвредный.
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшатъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

Дума

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,

Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ страшитъ, какъ ровный путь безъ
цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли:
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ;
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;

И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы,
    Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой,
Надъ міромъ мы пройдемъ, безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
    Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
    Надъ промотавшимся отцомъ.

Не вѣрь себѣ

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
    Какъ язвы бойся вдохновенья!...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
    Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ признака небесъ напрасно не ищи:
    То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
    Разлей отравленный напитокъ!

Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
    Открыть въ душѣ, давно безмолвной,
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
    Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный —
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
    Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
    Не передашь ты ихъ значенья.

Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
    Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой —

Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя! Стыдися торговать
То гнѣвомъ, то тоской послушной
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.

Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.

А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты...
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечемъ картоннымъ...

Родина

Люблю отчизну я, но странною любовью:
Не побѣдитъ ея разсудокъ мой!...
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Но я люблю—за что, не знаю самъ—
Ея степей холодное молчанье,
Ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье,
Разливы рѣкъ ея, подобные морямъ.
Проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ
И, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь,
Встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ,
Дрожащіе огни печальныхъ деревень;
Люблю дымокъ спаленной жнивы,
Въ степи кочующій обозъ
И на холмѣ, средь желтой нивы,
Чету бѣлѣющихъ березъ.
Съ отрадой, многимъ незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
Съ рѣзными ставнями окно;
И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ,
Смотрѣть до полночи готовъ
На пляску, съ топаньемъ и свистомъ,
Подъ говоръ пьяныхъ мужичковъ.

Мнѣ грустно, потому что я тебя люблю;
И знаю, молодость цвѣтущую твою
Не пощадитъ молвы коварное гоненье:
За каждый свѣтлый день, иль свѣтлое мгновенье
Слезами и тоской заплатишь ты судьбѣ...
Мнѣ грустно... потому что весело тебѣ.

Изъ-подъ таинственной, холодной полумаски
Звучалъ мнѣ голосъ твой, отрадный какъ мечта,

Свѣтили мнѣ твои плѣнительные глазки
И улыбалися лукавыя уста.

Сквозь дымку легкую замѣтилъ я невольно
И дѣвственныхъ ланитъ и шеи бѣлизну.
Счастливецъ! видѣлъ я и локонъ своевольный,
Родныхъ кудрей покинувшій волну...

И создалъ я тогда въ моемъ воображеньѣ
По легкимъ признакамъ красавицу мою,
И съ той поры безплотное видѣнье
Ношу въ душѣ моей, ласкаю и люблю.

И все мнѣ кажется: живыя эти рѣчи
Въ года минувшіе слыхалъ когда-то я;
И кто-то шепчетъ мнѣ, что послѣ этой встрѣчи
Мы вновь увидимся, какъ старые друзья.

Нѣтъ, не тебя такъ пылко я люблю,
Не для меня красы твоей блистанье—
Люблю въ тебѣ я прошлое страданье
И молодость погибшую мою.

Когда, порой, я на тебя смотрю,
Въ твои глаза вникая долгимъ взоромъ—
Таинственнымъ я занятъ разговоромъ,
Но не съ тобой я сердцемъ говорю:

Я говорю съ подругой юныхъ дней,
Въ твоихъ чертахъ ищу черты другія,
Въ устахъ живыхъ—уста давно нѣмыя,
Въ глазахъ—огонь угаснувшихъ очей.

Я не хочу, чтобъ свѣтъ узналъ
Мою таинственную повѣсть,
Какъ я любилъ, за что страдалъ:
Тому судья лишь Богъ да совѣсть.

Имъ сердце въ чувствахъ дастъ отчетъ,
У нихъ попроситъ сожалѣнья —
И пусть меня накажетъ Тотъ,
Кто изобрѣлъ мои мученья.

Укоръ невѣждъ, укоръ людей
Души высокой не печалитъ...
Пускай шумитъ волна морей—
Утесъ гранитный не повалитъ:

Его чело межъ облаковъ,
Онъ двухъ стихій жилецъ угрюмый,
И, кромѣ бури да громовъ,
Онъ никому не ввѣритъ думы.

Оправданіе

Когда одни воспоминанья
О заблужденіяхъ страстей,
На мѣсто славнаго названья,
Твой другъ оставитъ межъ людей—

И будетъ спать въ землѣ безгласно
То сердце, гдѣ кипѣла кровь,
Гдѣ такъ безумно, такъ напрасно
Съ враждой боролася любовь;

Когда предъ общимъ приговоромъ
Ты смолкнешь, голову склоня,

И будетъ для тебя позоромъ
Любовь безгрѣшная твоя —

Того, кто страстью и порокомъ
Затмилъ твои младые дни,
Молю, язвительнымъ упрекомъ
Ты въ оный часъ не помяни!

Но предъ судомъ толпы лукавой
Скажи, что судитъ насъ Иной,
И что прощать святое право
Страданьемъ куплено тобой.

Ангелъ

По небу полуночи ангелъ летѣлъ
И тихую пѣсню онъ пѣлъ;
И мѣсяцъ, и звѣзды, и тучи толпой
Внимали той пѣснѣ святой.

Онъ пѣлъ о блаженствѣ безгрѣшныхъ духовъ
Подъ кущами райскихъ садовъ,
О Богѣ великомъ онъ пѣлъ—и хвала
Его непритворна была.

Онъ душу младую въ объятіяхъ несъ
Для міра печали и слезъ,
И звукъ его пѣсни въ душѣ молодой
Остался безъ словъ, но живой.

И долго на свѣтѣ томилась она,
Желаніемъ чуднымъ полна,
И звуковъ небесъ замѣнить не могли
Ей скучныя пѣсни земли.

Желаніе

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноглазую дѣвицу,
Черногриваго коня!
Дайте разъ по синю полю
Проскакать на томъ конѣ;
Дайте разъ на жизнь и волю,
Какъ на чуждую мнѣ долю,
Посмотрѣть поближе мнѣ.

Дайте мнѣ челнокъ досчатый
Съ полусгнившею скамьей,
Парусъ сѣрый и косматый,
Ознакомленный съ грозой.
Я тогда пущуся въ море
Беззаботенъ и одинъ;
Разгуляюсь на просторѣ
И потѣшусь въ буйномъ спорѣ
Съ дикой прихотью пучинъ.

Дайте мнѣ дворецъ высокой,
И кругомъ зеленый садъ,
Чтобъ въ тѣни его широкой
Зрѣлъ янтарный виноградъ,
Чтобъ фонтанъ, не умолкая,
Въ залѣ мраморномъ журчалъ,
И меня, въ мечтаньяхъ рая,
Хладной пылью орошая,
Усыплялъ и пробуждалъ...

Выхожу одинъ я на дорогу.
Сквозь туманъ кремнистый путь блеститъ;
Ночь тиха; пустыня внемлетъ Богу,
И звѣзда съ звѣздою говоритъ.

Въ небесахъ торжественно и чудно!
Спитъ земля въ сіяньи голубомъ...
Что же мнѣ такъ больно и такъ трудно:
Жду ль чего? Жалѣю ли о чемъ?

Ужъ не жду отъ жизни ничего я,
И не жаль мнѣ прошлаго ничуть;
Я ищу свободы и покоя,
Я бъ хотѣлъ забыться и заснуть...

Но не тѣмъ холоднымъ сномъ могилы —
Я бъ желалъ навѣки такъ заснуть,
Чтобъ въ груди дремали жизни силы,
Чтобъ, дыша, вздымалась тихо грудь;

Чтобъ всю ночь, весь день мой слухъ лелѣя,
Про любовь мнѣ сладкій голосъ пѣлъ,
Надо мной чтобъ, вѣчно зеленѣя,
Темный дубъ склонялся и шумѣлъ.

И скучно, и грустно

И скучно, и грустно, и некому руку подать
Въ минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. Что пользы напрасно и вѣчно желать?
А годы проходятъ—всѣ лучшіе годы!
Любить... но кого же?... на время — не стоитъ труда,
А вѣчно любить невозможно.

Въ себя ли заглянешь?—тамъ прошлаго нѣтъ и слѣда:
И радость, и муки, и все тамъ ничтожно...
Что страсти?—вѣдь рано иль поздно ихъ сладкій недугъ
Исчезнетъ при словѣ разсудка:
И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—
Такая пустая и глупая шутка...

Тучи

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто, какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

Что же васъ гонитъ: судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? Злоба ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или друзей клевета ядовитая?

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Сонъ

Въ полдневный жаръ, въ долинѣ Дагестана,
Съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я;
Глубокая еще дымилась рана,
По каплѣ кровь сочилася моя.

Лежалъ одинъ я на пескѣ долины;
Уступы скалъ тѣснилися кругомъ,
И солнце жгло ихъ голыя вершины,
И жгло меня—но спалъ я мертвымъ сномъ.

И снился мнѣ сіяющій огнями
Вечерній пиръ въ родимой сторонѣ;
Межъ юныхъ женъ, увѣнчанныхъ цвѣтами,
Шелъ разговоръ веселый обо мнѣ.

Но, въ разговоръ веселый не вступая,
Сидѣла тамъ задумчиво одна,
И въ грустный сонъ душа ея младая
Богъ знаетъ чѣмъ была погружена.

И снилась ей долина Дагестана;
Знакомый трупъ лежалъ въ долинѣ той:
Въ его груди, дымясь, чернѣла рана
И кровь лилась хладѣющей струей...

Когда волнуется желтѣющая нива
И свѣжій лѣсъ шумитъ при звукѣ вѣтерка,
И прячется въ саду малиновая слива
Подъ тѣнью сладостной зеленаго листка;

Когда, росой обрызганный душистой,
Румянымъ вечеромъ, иль въ утра часъ златой,
Изъ-подъ куста мнѣ ландышъ серебристый
Привѣтливо киваетъ головой;

Когда студеный ключъ играетъ по оврагу
И, погружая мысль въ какой-то смутный сонъ,
Лепечетъ мнѣ таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится онъ —

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челѣ,
И счастье я могу постигнуть на землѣ,
И въ небесахъ я вижу Бога...

Вѣтка Палестины

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

Молитву ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?

И пальма та жива ль понынѣ?
Все такъ же ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Или въ разлукѣ безотрадной,
Она увяла, какъ и ты,
И дольній прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?...

Повѣдай: набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто надъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?

Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?...

Заботой тайною хранима,
Передъ иконой золотой,
Стоишь ты, вѣтвь Ерусалима,
Святыни вѣрный часовой!

Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой.

Ты помнишь ли, какъ мы съ тобою
Прощались позднею порою?
Вечерній выстрѣлъ загремѣлъ,
И мы съ волненіемъ внимали...
Тогда лучи ужъ догорали
И на морѣ туманъ густѣлъ;
Ударъ съ усиліемъ промчался
И вдругъ за бездною скончался.

Окончивъ трудъ дневныхъ заботъ,
Я часто о тебѣ мечтаю;
Бродя вблизи пустынныхъ водъ,
Вечернимъ выстрѣламъ внимаю.
И, между тѣмъ, какъ чередой
Глушитъ волнами ихъ сѣдыми —
Я плачу, я томимъ тоской,
Я умереть желаю съ ними...

Графинѣ Ростопчиной

Я вѣрю: подъ одной звѣздою
Мы съ вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Насъ обманули тѣ же сны.
Но что жъ?—Отъ цѣли благородной
Оторванъ бурею страстей,
Я позабылъ въ борьбѣ безплодной
Преданья юности моей.
Предвидя вѣчную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную ввѣрять...

Такъ двѣ волны несутся дружно
Случайной, вольною четой
Въ пустынѣ моря голубой:
Ихъ гонитъ вмѣстѣ вѣтеръ южной;
Но ихъ разгонитъ гдѣ-нибудь
Утеса каменная грудь...
И, полны холодомъ привычнымъ,
Онѣ несутъ брегамъ различнымъ,
Безъ сожалѣнья и любви,
Свой ропотъ сладостный и томный,
Свой бурный шумъ, свой блескъ заемный
И ласки вѣчныя свои.

На свѣтскія цѣпи,
На блескъ утомительный бала
Цвѣтущія степи
Украйны она промѣняла.

Но юга родного
На ней сохранилась примѣта
Среди ледяного,
Среди безпощаднаго свѣта.

Какъ ночи Украйны
Въ мерцаніи звѣздъ незакатныхъ—
Исполнены тайны
Слова ея устъ ароматныхъ.

Прозрачны и сини,
Какъ небо тѣхъ странъ, ея глазки,
Какъ вѣтеръ пустыни,
И нѣжатъ, и жгутъ ея ласки.

И зрѣющей сливы
Румянецъ на щечкахъ пушистыхъ,
И солнца отливы
Играютъ въ кудряхъ золотистыхъ.

И, слѣдуя строго
Печальной отчизны примѣру,
Въ надежду на Бога
Хранитъ она дѣтскую вѣру.

Какъ племя родное,
У чуждыхъ опоры не проситъ
И въ гордомъ покоѣ
Насмѣшку и зло переноситъ.

Отъ дерзкаго взора
Въ ней страсти не вспыхнутъ пожаромъ,
Полюбитъ не скоро,
За то не разлюбитъ ужъ даромъ.

Сосѣдка

Не дождаться мнѣ, видно, свободы...
А тюремные дни будто годы,
И окно высоко надъ землей,
А у двери стоитъ часовой!

Умереть бы ужъ мнѣ въ этой клѣткѣ,
Кабы не было милой сосѣдки...
Мы проснулись сегодня съ зарей;
Я кивнулъ ей слегка головой.

Разлучивъ, насъ сдружила неволя,
Познакомила общая доля,
Породнило желанье одно...
Да съ двойною рѣшеткой окно.

У окна лишь поутру я сяду,
Волю дамъ ненасытному взгляду —
Вотъ напротивъ окошечко стукъ!
Занавѣска подымется вдругъ.

На меня посмотрѣла плутовка!
Опустилась на ручку головка,
А съ плеча, будто сдулъ вѣтерокъ,
Полосатый скатился платокъ.

Но блѣдна ея грудь молодая;
И сидитъ она долго, вздыхая:
Видно, буйную думу тая,
Все тоскуетъ по волѣ, какъ я.

Не грусти, дорогая сосѣдка!
Захоти лишь—отворится клѣтка,
И, какъ Божіи птички, вдвоемъ
Мы въ широкое поле порхнемъ.

У отца ты ключи мнѣ украдешь,
Сторожей за пирушку усадишь,
А ужъ съ тѣмъ, что поставленъ къ дверямъ,
Постараюсь я справиться самъ.

Избери только ночь потемнѣе,
Да отцу дай вина похмельнѣе,
Да повѣсь, чтобы вѣдать я могъ,
На окно полосатый платокъ.

Умирающій гладіаторъ

I see before me the gladiator lie...
Byron

Ликуетъ буйный Римъ... Торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ!
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Чтò яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презрѣнъ и забытъ... освистанный актеръ!

И кровь его течетъ—послѣднія мгновенья
Мелькаютъ—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... предъ нимъ шумитъ Дунай..
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...

Напрасно! Жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ!—Прости, о край родной!»

Еврейская мелодія

(Изъ Байрона)

Душа моя мрачна. Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй!
Вотъ арфа золотая:
Пускай персты твои, промчавшися по ней,
Пробудятъ въ струнахъ звуки рая.
И, если не навѣкъ надежды рокъ унесъ—
Онѣ въ душѣ моей проснутся;
И, если есть въ очахъ застывшихъ капля слезъ—
Онѣ растаютъ и прольются.

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки!
Я говорю: я слезъ хочу, пѣвецъ—
Иль разорвется грудь отъ муки.
Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно...
И грозный часъ насталъ: теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный...

Изъ Гете

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.

Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного—
Отдохнешь и ты...

Сосна

(Изъ Гейне)

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта, какъ ризой, она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна, на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

Графъ А. К. Толстой

(1817—1875)

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая
бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись
осколки.
Онъ же вздрогнулъ—и къ народу могучіе, мѣдные
звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой созывая.

Всесильной волею Аллаха,
Дающаго намъ зной и снѣгъ,
Мы возвратились съ Чатырдаха
Благополучно на ночлегъ.
Всѣ налицо, всѣ безъ увѣчья—
Чтó значитъ ловкость человѣчья!
А признаюсь, когда мы тамъ
Ползли, какъ мухи, по скаламъ,
То мнѣ немного было жутко:
Сорваться внизъ плохая шутка!

— Гуссейнъ! Послушай, помоги
Стащить мнѣ эти сапоги,

Они потрескались отъ жара;
Да что жъ не видно самовара!
Сходи за нимъ. А ты, Али,
Костеръ скорѣе запали!
Постелемъ скатерти у моря,
Достанемъ ромъ, заваримъ чай,
И всѣ возляжемъ на просторѣ
Смотрѣть, какъ пламя, съ ночью споря,
Померкнетъ, вспыхнетъ невзначай
И озаритъ до половины
Дубовъ зеленыя вершины,
Песчаный берегъ, водопадъ,
Крутыхъ утесовъ грозный рядъ,
Отъ пѣны бѣлый и ревущій,
Изъ мрака выбѣжавшій валъ
И перепутаннаго плюща
Концы, висящіе со скалъ.

По греблѣ неровной и тряской,
Вдоль мокрыхъ рыбачьихъ сѣтей,
Дорожная ѣдетъ коляска,
Сижу я задумчиво въ ней.

Сижу и смотрю я дорогой
На сѣрый и пасмурный день,
На озера берегъ отлогій,
На дальній дымокъ деревень.

По греблѣ, со взглядомъ угрюмымъ,
Проходитъ оборванный жидъ;
Изъ озера, съ пѣной и шумомъ,
Вода черезъ греблю бѣжитъ.

Тамъ мальчикъ играетъ на дудкѣ,
Забравшись въ зеленый тростникъ;
Въ испугѣ взлетѣвшія утки
Надъ озеромъ подняли крикъ.

Близъ мельницы, старой и шаткой,
Сидятъ на травѣ мужики,
Телѣга съ разбитой лошадкой
Лѣниво подвозитъ мѣшки...

Мнѣ кажется все такъ знакомо,
Хоть не былъ я здѣсь никогда:
И крыша далекаго дома,
И мальчикъ, и лѣсъ, и вода,

И мельницы говоръ унылый,
И ветхое въ полѣ гумно...
Все это когда-то ужъ было,
Но мною забыто давно.

Такъ точно ступала лошадка,
Такіе жъ тащила мѣшки,
Такіе жъ у мельницы шаткой
Сидѣли въ травѣ мужики,

И такъ же шелъ жидъ бородатый,
И такъ же шумѣла вода...
Все это ужъ было когда-то,
Но только не помню—когда...

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!

Гой, ты, родина моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Источникъ за вишневымъ садомъ,
Слѣды голыхъ дѣвичьихъ ногъ,
И тутъ же оттиснулся рядомъ
Гвоздями подбитый сапогъ.

Все тихо на мѣстѣ ихъ встрѣчи,
Но чуетъ ревниво мой умъ
И шопотъ, и страстныя рѣчи,
И ведеръ расплесканныхъ шумъ.

Не вѣтеръ, вѣя съ высоты,
Листовъ коснулся ночью лунной—
Моей души коснулась ты:
Она тревожна, какъ листы,
Она, какъ гусли, многострунна!
Житейскій вихрь ее терзалъ
И сокрушительнымъ набѣгомъ,
Свистя и воя, струны рвалъ
И заносилъ холоднымъ снѣгомъ;
Твоя же рѣчь ласкаетъ слухъ,
Твое легко прикосновенье,
Какъ отъ цвѣтовъ летящій пухъ,
Какъ майской ночи дуновенье.

Средь шумнаго бала, случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

Въ часы одинокіе ночи
Люблю я, усталый, прилечь;
Я вижу печальныя очи,
Я слышу веселую рѣчь.

И грустно я такъ засыпаю,
И въ грезахъ невѣдомыхъ сплю...
Люблю ли тебя—я не знаю,
Но кажется мнѣ, что люблю!

Колышется море: волна за волной
Бѣгутъ и шумятъ торопливо...
О, другъ ты мой бѣдный, боюся, со мной
Не быть тебѣ долго счастливой!
Во мнѣ и надеждъ и отчаяній рой,
Кочующей мысли прибой и отбой,
Приливы любви и отливы.

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда, въ избыткѣ горя,
Я говорю, что разлюбилъ тебя—
Въ отлива часъ, не вѣрь измѣнѣ моря:
Оно къ землѣ воротится, любя.

Ужъ я тоскую, прежней страсти полный,
Мою свободу вновь тебѣ отдамъ—
И ужъ бѣгутъ, съ обратнымъ шумомъ, волны
Издалека къ родимымъ берегамъ.

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ,
Лишь, вдали, красуются тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.

Весело и горестно сердцу моему,
Молча, твои рученьки грѣю я и жму,
Въ очи тебѣ глядючи, молча, слезы лью...
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

Изъ Шенье

1

Багровый гаснетъ день, толпится за оградой
Вернувшихся телицъ недоенное стадо.
Имъ въ ясли сочная навалена трава,
И ждутъ онѣ, жуя, пока ты, рукава
По локоть засучивъ и волосы откинувъ,
Готовишь звонкій рядъ расписанныхъ кувшиновъ.
Безпечно на тебя, лѣнивыя, глядятъ;
Лишь краснобурой той, замѣть, неласковъ взглядъ,

Въ глазахъ ея давно сокрытая есть злоба;
Не даромъ отъ другихъ она паслась особо.
Но если вмѣстѣ мы къ строптивой подойдемъ
И ноги сильныя опутаемъ ремнемъ,
Мы покоримъ ее, и подъ твоей рукою
Польется молоко журчащею струею.

2

Я вмѣсто матери уже считаю стадо,
Съ отцомъ ходить въ поля теперь моя отрада.
Мы трудимся вдвоемъ. Я заставляю мѣдь
Весной душистою на пчельникѣ звенѣть.
Съ царицею своей, услыша звукъ тяжелый,
Во страхѣ улетѣть хотятъ младыя пчелы.
Но новой ихъ семьѣ готовя новый домъ,
Сильнѣе все въ тазы мы кованые бьемъ,
И вольные рои, испуганные нами,
Межъ зелени висятъ жужжащими гроздами.

Изъ Гейне

У моря сижу на утесѣ крутомъ,
Мечтами и думами полный;
Лишь вѣтеръ, да тучи, да чайки кругомъ—
Кочуютъ и пѣнятся волны...

Знавалъ и друзей я, и ласковыхъ дѣвъ—
Ихъ нынѣ припомнить хочу я:
Куда вы сокрылись? Лишь вѣтеръ, да ревъ,
Да пѣнятся волны, кочуя.

Спесь

Ходитъ Спесь, надуваючись,
Съ боку на-бокъ переваливаясь.
Ростомъ-то Спесь аршинъ съ четвертью,
Шапка-то на немъ во цѣлу сажень,
Пузо-то его все въ жемчугѣ,
Сзади-то у него раззолочено.
А и зашелъ бы Спесь къ отцу, къ матери,
Да ворота не крашены!
А и помолился бы Спесь въ церкви Божіей,
Да полъ не метенъ!
Идетъ Спесь, видитъ—нá небѣ радуга;
Повернулъ Спесь во другую сторону:
Не пригоже-де мнѣ нагибатися.

И. С. Тургеневъ

(1818—1883)

Порогъ

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь. За дверью угрюмая мгла. Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка, русская дѣвушка. Морозомъ дышетъ та непроглядная мгла и, вмѣстѣ съ леденящей струей, выносится изъ глубины зданія медлительный голосъ:

— О, ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, чтó тебя ожидаетъ?

— Знаю—отвѣчаетъ дѣвушка.

— Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣнье, обиды, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?

— Знаю... Я готова. Я перенесу всѣ страданія, всѣ удары.

— Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?

— Да... и отъ нихъ.

— Хорошо. Ты готова на жертву? Ты погибнешь— и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

— Готова ли ты... на преступленіе?

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы:

— Знаешь ли ты, — заговорилъ онъ, наконецъ,—что ты можешь разубѣдиться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?

— Знаю и это.

— Войди!

Дѣвушка перешагнула порогъ, и тяжелая завѣса упала за нею.

— Дура!—проскрежеталъ кто-то.

— Святая!—пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

Деревня

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой, и дегтемъ маленько,—и маленько кожей.—Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, книзу исщепленныя ра-

киты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь. — Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба—синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припекѣ; а тамъ и въ сарай! То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низкоподпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое

мокрое ведро изъ колодца... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза; улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба.—«Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!»

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертый теленокъ.

— «Ай да овесъ!» — слышится голосъ моего кучера...

О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

Нимфы

Я стоялъ передъ цѣпью красивыхъ горъ, раскинутыхъ полукругомъ; молодой, зеленый лѣсъ покрывалъ ихъ сверху до низу.

Прозрачно синѣло надъ ними южное небо; солнце съ вышины играло лучами; внизу, полузакрытые травою, болтали проворные ручьи.

И вспомнилось мнѣ старинное сказаніе о томъ, какъ въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовѣ одинъ греческій корабль плылъ по Эгейскому морю.

Часъ былъ полуденный... Стояла тихая погода. И вдругъ, въ высотѣ, надъ головою кормчаго, кто-то явственно произнесъ: «Когда ты будешь плыть мимо острова, воззови громкимъ голосомъ:—Умеръ великій Панъ!»

Кормчій удивился... испугался. Но когда корабль побѣжалъ мимо острова, онъ послушался, онъ воззвалъ:—Умеръ великій Панъ!

И тотчасъ же, въ отвѣтъ на его кликъ, по всему протяженію берега (а островъ былъ необитаемъ) раздались громкія рыданія, стоны, протяжные, жалостные возгласы:—Умеръ, умеръ великій Панъ!

Мнѣ вспомнилось это сказаніе... и странная мысль посѣтила меня:—Что, если и я кликну кличъ?

Но въ виду окружавшаго меня ликованія я не могъ подумать о смерти — и, что было во мнѣ силы, закричалъ:—Воскресъ! воскресъ великій Панъ!

И тотчасъ же, о, чудо!—въ отвѣтъ на мое восклицаніе, по всему широкому полукружію зеленыхъ горъ прокатился дружный хохотъ, поднялся радостный говоръ и плескъ. «Онъ воскресъ! Панъ воскресъ!» шу-

мѣли молодые голоса. Все тамъ, впереди, внезапно засмѣялось, ярче солнца въ вышинѣ, игривѣе ручьевъ, болтавшихъ подъ травою. Послышался торопливый топотъ легкихъ шаговъ, сквозь зеленую чащу замелькала мраморная бѣлизна волнистыхъ туникъ, живая алость обнаженныхъ тѣлъ... То нимфы, нимфы, дріады, вакханки бѣжали съ высотъ въ равнину...

Онѣ разомъ показались по всѣмъ опушкамъ. Локоны вьются по божественнымъ головамъ, стройныя руки поднимаютъ вѣнки и тимпаны — и смѣхъ, сверкающій олимпійскій смѣхъ бѣжитъ и катится вмѣстѣ съ ними...

Разговоръ

«Ни на Юнгфрау, ни на Финстерааргорнѣ еще не бывало человѣческой ноги!»

Вершины Альпъ... Цѣлая цѣпь крутыхъ уступовъ... Самая сердцевина горъ.

Надъ горами блѣдно-зеленое, свѣтлое, нѣмое небо. Сильный, жесткій морозъ; твердый, искристый снѣгъ; изъ-подъ снѣгу торчатъ суровыя глыбы обледенѣлыхъ, обвѣтренныхъ скалъ.

Двѣ громады, два великана вздымаются по обѣимъ сторонамъ небосклона: Юнгфрау и Финстерааргорнъ.

И говоритъ Юнгфрау сосѣду: — Что скажешь новаго? Тебѣ виднѣй.—Что тамъ, внизу?

Проходитъ нѣсколько тысячъ лѣтъ: одна минута.

И грохочетъ въ отвѣтъ Финстерааргорнъ:—Сплошныя облака застилаютъ землю... Погоди!

Проходятъ еще тысячелѣтія: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Теперь вижу; тамъ, внизу, все то же: пестро, мелко. Воды синѣютъ, чернѣютъ лѣса; сѣрѣютъ груды скученныхъ камней. Около нихъ все еще копошатся козявки, знаешь, тѣ двуножки, что еще ни разу не могли осквернить ни тебя, ни меня.

— Люди?

— Да; люди.

Проходятъ тысячи лѣтъ: одна минута.

— Ну, а теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау.

— Какъ будто меньше видать козявокъ,—гремитъ Финстерааргорнъ:—яснѣе стало внизу; съузились воды; порѣдѣли лѣса.

Прошли еще тысячи лѣтъ: одна минута.

— Что ты видишь?—говоритъ Юнгфрау.

— Около насъ, вблизи, словно прочистилось,— отвѣчаетъ Финстерааргорнъ; — ну, а тамъ, вдали, по долинамъ есть еще пятна, и шевелится что-то.

— А теперь?—спрашиваетъ Юнгфрау, спустя другія тысячи лѣтъ—одну минуту.

— Теперь хорошо,—отвѣчаетъ Финстерааргорнъ,— опрятно стало вездѣ, бѣло совсѣмъ, куда ни глянь... Вездѣ нашъ снѣгъ, ровный снѣгъ, и ледъ. Застыло все; хорошо теперь, спокойно.

— Хорошо,—промолвила Юнгфрау.—Однако, довольно мы съ тобой проболтали, старикъ. Пора вздремнуть.

— Пора!

Спятъ громадныя горы; спитъ зеленое, свѣтлое небо надъ навсегда замолкшей землей.

Камень

Видали ли вы старый, сѣрый камень на морскомъ прибрежьѣ, когда на него, въ часъ прилива, въ солнечный весенній день, со всѣхъ сторонъ бьютъ живыя волны—бьютъ и играютъ, и ластятся къ нему— и обливаютъ его мшистую голову разсыпчатымъ жемчугомъ блестящей пѣны?

Камень остается тѣмъ же камнемъ—но по хмурой его поверхности выступаютъ яркіе цвѣта.

Они свидѣтельствуютъ о томъ далекомъ времени, когда только-что начиналъ твердѣть расплавленный гранитъ и весь горѣлъ огнистыми цвѣтами.

Такъ и на мое старое сердце недавно со всѣхъ сторонъ нахлынули молодыя женскія души — и подъ ихъ ласкающимъ прикосновеніемъ зардѣлось оно уже давно поблекшими красками, слѣдами бывалаго огня!

Волны отхлынули... но краски еще не потускнѣли— хоть и сушитъ ихъ рѣзкій вѣтеръ.

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

Гдѣ-то, когда-то, давно-давно тому назадъ, я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Теперь зима; морозъ запушилъ стекла оконъ; въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ; а въ головѣ все звенитъ да звенитъ:

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходитъ въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ резедой и липой;—а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу, сидитъ дѣвушка—и безмолвно, и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжидая появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простодушно вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышитъ еще не вполнѣ расцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнованная грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерзаю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ потолкѣ, морозъ скрипитъ и злится за стѣною — и чудится скучный, старческій шопотъ...

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Встаютъ передо мною другіе образы... Слышится веселый шумъ семейной деревенской жизни. Двѣ русыя головки, прислонясь другъ къ дружкѣ, бойко смотрятъ на меня своими свѣтлыми глазками, алыя щеки трепещутъ сдержаннымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, добрые голоса; а немного подальше, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодыя руки бѣгаютъ, путаясь пальцами, по клавишамъ старенькаго піанино, и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патріархальнаго самовара...

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы...»

Свѣча меркнетъ и гаснетъ... Кто это кашляетъ тамъ такъ хрипло и глухо? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песъ, мой единственный товарищъ... Мнѣ холодно... Я зябну... и всѣ онѣ умерли... умерли...

«Какъ хороши, какъ свѣжи были розы»...

Я. П. Полонскій

(1819—1898)

Пришли и стали тѣни ночи
На стражѣ у моихъ дверей.
Смѣлѣй глядитъ мнѣ прямо въ очи
Глубокій мракъ ея очей.

Надъ ухомъ шепчетъ голосъ нѣжный,
И змѣйкой бьется мнѣ въ лицо
Ея волосъ моей небрежной
Рукой измятое кольцо.

Помедли, ночь! Густою тьмою
Покрой волшебный міръ любви!
Ты, время, дряхлою рукою
Свои часы останови!..

Но покачнулись тѣни ночи,
Бѣгутъ, шатаяся, назадъ;
Ея потупленныя очи
Уже глядятъ и не глядятъ;

Въ моихъ рукахъ рука застыла,
Стыдливо на моей груди
Она лицо свое сокрыла...
О, солнце, солнце! Погоди!

Посмотри—какая мгла
Въ глубинѣ долинъ легла!
Подъ ея прозрачной дымкой
Въ сонномъ сумракѣ ракитъ
Тускло озеро блеститъ.
Блѣдный мѣсяцъ невидимкой,
Въ тѣсномъ сонмѣ сизыхъ тучъ,
Безъ пріюта въ небѣ ходитъ
И, сквозя, на все наводитъ
Фосфорическій свой лучъ.

Тишь

Душный зной надъ океаномъ,
Небеса безъ облаковъ;
Сонный воздухъ не колышетъ
Ни волны, ни парусовъ...
Мореплаватель, сердито
Въ даль пустую не гляди:
Въ тишинѣ, быть можетъ, буря
Притаилась... погоди!

Поцѣлуй

И разсудокъ, и сердце, и память губя,
Я не даромъ такъ жарко цѣлую тебя:

Я цѣлую тебя и за ту, передъ кѣмъ
Я таилъ мои страсти—былъ робокъ и нѣмъ;
И за ту, что меня обожгла безъ огня,
И смѣялась, и долго терзала меня;

И за ту, чья любовь мнѣ была бы щитомъ,
Да, убитая, спитъ подъ могильнымъ крестомъ...

Все, что въ сердцѣ моемъ загоралось для нихъ,
Дорогая, пусть гаснетъ въ объятьяхъ твоихъ.

На Женевскомъ озерѣ

На Женевскомъ озерѣ
Лодочка плыветъ,
Ѣдетъ странникъ въ лодочкѣ,
Тяжело гребетъ.
Видитъ онъ — по злачному
Скату береговъ
Много, въ темной зелени,
Прячется домовъ;
Видитъ—подъ окошками,
Возлѣ синихъ водъ,
Въ виноградномъ садикѣ
Красный макъ цвѣтетъ;
Видитъ—изъ-за домиковъ,
Въ вѣковой пыли,
Колокольни сѣрыя
Подняли шпили;
А за ними, вѣчныя,
Въ снѣжныхъ пеленахъ,
Выси допотопныя
Тонутъ въ облакахъ...
И, душой мятежною,
Погрузился онъ
О далекой родинѣ
Въ неотвязный сонъ.

У него на родинѣ —
Ни озеръ, ни горъ,
У него на родинѣ —
Степи да просторъ.
Изъ простора этого
Некуда бѣжать...
Мысли съ вѣтромъ носятся —
Вѣтра не догнать!

Пѣсня цыганки

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ:
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

Ночь пройдетъ—и спозаранокъ
Въ степь далеко, милый мой,
Я уйду съ толпой цыганокъ
За кибиткой кочевой.

На прощанье, шаль съ каймою
Ты на мнѣ узломъ стяни!
Какъ концы ея, съ тобою
Мы сходились въ эти дни.

Кто-то мнѣ судьбу предскажетъ?
Кто-то завтра, соколъ мой,
На груди моей развяжетъ
Узелъ, стянутый тобой?

Вспоминай, коли другая,
Друга милаго любя,
Будетъ пѣсни пѣть, играя
На колѣняхъ у тебя!...

Мой костеръ въ туманѣ свѣтитъ:
Искры гаснутъ на лету...
Ночью насъ никто не встрѣтитъ,
Мы простимся на мосту.

На могилѣ

Сто лѣтъ пройдетъ, сто лѣтъ; забытая могила,
Вчера зарытая, травою поростетъ,
И плугъ пройдетъ по ней, и прахъ, давно остылый,
Могущественный дубъ корнями обовьетъ...
Онъ гордо зашумитъ вершиною густою;
Подъ тѣнь его любовники придутъ—
И сядутъ отдыхать вечернею порою,
Посмотрятъ вдаль, поникнутъ головою,
И темныхъ листьевъ шумъ, задумавшись, поймутъ...

Пчела

Пчела, погибшая съ послѣдними цвѣтами,
Не даромъ чистыми, янтарными сотами
Ты, съ помощью сестеръ, свой улій убрала:
Ту руку, что тебя все лѣто берегла,
Обогатила ты сладчайшими дарами.
А я? Собравши плодъ съ цвѣтовъ Господней нивы,
Я рано, до зари, вернулся въ садъ родной;
Но опрокинутымъ нашелъ и улій мой:
Гдѣ цвѣлъ подсолнечникъ—растутъ кусты крапивы,
И некуда сложить мнѣ ноши дорогой.

Изъ Бурдильена

Ночь смотритъ тысячами глазъ,
А день глядитъ однимъ;
Но солнца нѣтъ—и по землѣ
Тьма стелется какъ дымъ.

Умъ смотритъ тысячами глазъ,
Любовь глядитъ однимъ;
Но нѣтъ любви—и гаснетъ жизнь,
И дни плывутъ какъ дымъ.

А. А. Фетъ

(Шеншинъ)

(1820—1892)

Муза

Не въ сумрачный чертогъ Наяды говорливой
Пришла она плѣнять мой слухъ самолюбивый
Разсказомъ о щитахъ, герояхъ и коняхъ,
О шлемахъ кованыхъ и сломанныхъ мечахъ.
Скрывая низкій лобъ подъ вѣтвію лавровой,
Съ цитарой золотой, иль изъ кости слоновой,
Ни разу на моемъ не прилегла плечѣ
Богиня гордая въ расшитой епанчѣ.
Мнѣ слуха не ласкалъ языкъ ея могучій
И гибкій, и простой, и звучный безъ созвучій.
По волѣ Піеридъ, съ достоинствомъ пѣвца
Я не мечталъ стяжать широкаго вѣнца.
О, нѣтъ! Подъ дымкою ревнивой покрывала
Мнѣ Муза молодость иную указала:
Отягощала прядь душистая волосъ
Головку дивную узломъ тяжелыхъ косъ;
Цвѣты послѣдніе въ рукѣ ея дрожали;
Отрывистая рѣчь была полна печали
И женской прихоти, и серебристыхъ грезъ,

Невысказанныхъ мукъ и непонятныхъ слезъ.
Какой-то нѣгою томительной волнуемъ,
Я слушалъ, какъ слова встрѣчались съ поцѣлуемъ,
И долго безъ нея душа была больна
И несказаннаго стремленія полна.

О, долго буду я, въ молчаньи ночи тайной,
Коварный лепетъ твой, улыбку, взоръ случайный,
Перстамъ послушную волосъ густую прядь
Изъ мыслей изгонять и снова призывать;
Дыша порывисто, одинъ, никѣмъ не зримый,
Досады и стыда румянами палимый,
Искать хотя одной загадочной черты
Въ словахъ, которыя произносила ты;
Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья,
И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму.

Только станетъ смеркаться немножко —
Буду ждать, не дрогнетъ ли звонокъ.
Приходи, моя милая крошка,
Приходи посидѣть вечерокъ.

Потушу передъ зеркаломъ свѣчи —
Отъ камина свѣтло и тепло;
Стану слушать веселыя рѣчи,
Чтобы вновь на душѣ отлегло.

Стану слушать тѣ дѣтскія грезы,
Для которыхъ все — блескъ впереди:

Каждый разъ благодатныя слезы
У меня закипаютъ въ груди!

До зари, осторожной рукою
Вновь платокъ твой узломъ завяжу
И вдоль стѣнъ, озаренныхъ луною,
Я тебя до воротъ провожу.

Еще весны душистой нѣга
Къ намъ не успѣла низойти,
Еще овраги полны снѣга,
Еще порой гремитъ телѣга
На замороженномъ пути.

Едва лишь въ полдень солнце грѣетъ,
Краснѣетъ липа въ высотѣ,
Сквозя, березникъ чуть желтѣетъ
И соловей еще не смѣетъ
Запѣть въ смородинномъ кустѣ.

Но возрожденья вѣсть живая
Ужъ есть въ пролетныхъ журавляхъ—
И, ихъ глазами провожая,
Стоитъ красавица степная
Съ румянцемъ сизымъ на щекахъ.

Всю ночь гремѣлъ оврагъ сосѣдній,
Ручей, бурля, бѣжалъ къ ручью,
Воскресшихъ водъ напоръ послѣдній
Побѣду разглашалъ свою.

Ты спалъ. Окно я растворила.
Въ степи кричали журавли,

И сила думы уносила
За рубежи родной земли:

Летѣть къ безбрежью, бездорожью,
Черезъ лѣса, черезъ поля!
А подо мной весенней дрожью
Ходила гулкая земля...

Какъ вѣрить перелетной тѣни?
Къ чему мгновенный сей недугъ —
Когда ты здѣсь, мой добрый генiй,
Бѣдами искушенный другъ?

Я долго стоялъ неподвижно,
Въ далекiя звѣзды вглядясь.
Межъ тѣми звѣздами и мною
Какая-то связь родилась.

Я думалъ... не помню, чтó думалъ!
Я слушалъ таинственный хоръ,
И звѣзды тихонько дрожали,
И звѣзды люблю я съ тѣхъ поръ.

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ вдали:
Конный или пѣшiй —
Не видать въ пыли!

Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ...
Другъ мой, другъ далекiй,
Вспомни обо мнѣ!

Заря прощается съ землею,
Ложится паръ на днѣ долинъ.
Смотрю на лѣсъ, покрытый мглою,
И на огни его вершинъ:

Какъ незамѣтно потухаютъ
Лучи и гаснутъ подъ конецъ!
Съ какою нѣгой въ нихъ купаютъ
Деревья пышный свой вѣнецъ!

И—все таинственнѣй, безмѣрнѣй—
Ихъ тѣнь растетъ, растетъ какъ сонъ...
Какъ тонко по зарѣ вечерней
Ихъ легкій очеркъ вознесенъ!

Какъ будто, чуя жизнь двойную
И ей овѣяны вдвойнѣ,
И землю чувствуютъ родную
И въ небо просятся онѣ.

На зарѣ ты ея не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ!
Утро дышитъ у ней на груди,
Ярко пышетъ на ямкахъ ланитъ.

И подушка ея горяча,
И горячъ утомительный сонъ,
И, чернѣясь, бѣгутъ на плеча
Косы лентой съ обѣихъ сторонъ.

А вчера, у окна, ввечеру
Долго, долго сидѣла она
И слѣдила по тучамъ игру,
Что, скользя, затѣвала луна.

И чѣмъ ярче играла луна,
И чѣмъ громче свисталъ соловей—
Все блѣднѣй становилась она,
Сердце билось больнѣй и больнѣй.

Отъ того-то на юной груди,
На ланитахъ такъ утро горитъ...
Не буди жъ ты ея, не буди:
На зарѣ она сладко такъ спитъ.

Полно спать; тебѣ двѣ розы
Я принесъ съ разсвѣтомъ дня,
Сквозь серебряныя слезы
Ярче нѣга ихъ огня.

Вешнихъ дней минутны грозы,
Воздухъ чистъ, свѣжѣй листы...
И роняютъ тихо слезы
Ароматные цвѣты.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;

Разсказать, что лѣсъ проснулся,
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой;

Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,

Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова;

Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, чтó буду
Пѣть, но только пѣсня зрѣетъ!

Люди спятъ; мой другъ, пойдемъ въ тѣнистый садъ.
Люди спятъ, однѣ лишь звѣзды къ намъ глядятъ,
Да и тѣ не видятъ насъ среди вѣтвей
И не слышатъ—слышитъ только соловей...
Да и тотъ не слышитъ—пѣснь его громка;
Развѣ слышатъ только сердце да рука:
Слышитъ сердце, сколько радостей земли,
Сколько счастія сюда мы принесли,
Да рука, услыша, сердцу говоритъ,
Что чужая въ ней пылаетъ и дрожитъ,
Что и ей отъ этой дрожи горячо,
Что къ плечу невольно клонится плечо...

Постой, здѣсь хорошо! Зубчатой и широкой
Каймою тѣнь легла отъ сосенъ въ лунный свѣтъ...
Какая тишина! Изъ-за горы высокой
Сюда и доступа мятежнымъ звукамъ нѣтъ.
Я не пойду туда, гдѣ камень вѣроломный,
Скользя изъ-подъ пяты съ отвѣсныхъ береговъ,
Летитъ на хрящъ морской; гдѣ въ морѣ валъ огромный
Придетъ—и убѣжитъ въ объятія валовъ.

Одна передо мной, подъ мирными звѣздами,
Ты здѣсь—царица чувствъ, властительница думъ...
А тамъ—придетъ волна и грянетъ между нами...
Я не пойду туда... Тамъ вѣчный плескъ и шумъ!

Морская даль во мглѣ туманной;
Тамъ парусъ тонетъ, какъ въ дыму,
А волны въ злобѣ постоянной
Бѣгутъ къ прибрежью моему.

Изъ нихъ одной, избранной мною,
Навстрѣчу пристально гляжу
И за грядой ея крутою
До камня влажнаго слѣжу.

Къ ней чайка плавная спустилась;
Не дрогнетъ острое крыло...
Но вотъ громада докатилась,
Тяжеловѣсна, какъ стекло,

Плеснула въ каменную стѣну,
Вотъ звонко грянетъ на плиту—
А ужъ подкинутую пѣну
Разбрызнулъ вѣтеръ на лету.

Примѣты

И тихо и свѣтло. До сумерекъ далеко;
Какъ въ дымкѣ голубой и небо и вода...
Лишь облаковъ густыхъ съ заката и востока
Лѣниво тянется лиловая гряда.

Да, тихо и свѣтло... но ухомъ напряженнымъ
Смятенья и тоски ты крики разгадалъ:

То чайки скликались надъ моремъ усыпленнымъ
И, въ воздухѣ кружась, летятъ къ навѣсамъ скалъ.

Ночь будетъ страшная и буря будетъ злая,
Сольются въ мракъ и гулъ и небо и земля...
А завтра, можетъ быть, вотъ здѣсь волна сѣдая
На берегъ выброситъ обломки корабля.

Ея не знаетъ свѣтъ—она еще ребенокъ;
Но очеркъ головы у ней такъ чистъ и тонокъ,
И столько томности во взглядѣ кроткихъ глазъ,
Что дѣтства мирнаго послѣдній близокъ часъ.
Дохнетъ тепло любви: младенческое око
Лазурнымъ пламенемъ засвѣтится глубоко,
И гребень, ласково разборчивъ, будто самъ
Пойдетъ медлительнѣй по пышнымъ волосамъ,
Персты румяные, блѣднѣя, подлиннѣютъ...
Блаженъ, кто замѣчалъ, какъ постепенно зрѣютъ
Златые гроздія, и зналъ, что, виноградъ
Сбирая, онъ вопьетъ ихъ сладкій ароматъ!

Скучно мнѣ вѣчно болтать о томъ, что высоко, прекрасно:
Всѣ эти толки меня только къ зѣвотѣ ведутъ...
Бросивъ педантовъ, бѣгу съ тобой побесѣдовать, другъ мой;
Знаю, что въ этихъ глазахъ, черныхъ и умныхъ глазахъ,
Больше прекраснаго, чѣмъ въ нѣсколькихъ стахъ фоліантовъ,
Знаю, что сладкую жизнь пью съ этихъ розовыхъ губъ...

Только пчела узнаетъ въ цвѣткѣ затаенную сладость,
Только художникъ на всемъ чуетъ прекраснаго
слѣдъ...

Лозы мои за окномъ разрослись живописно и даже
Свѣтъ отнимаютъ. Смотри, вотъ половина окна
Верхняя темною зеленью листьевъ покрыта; межъ ними,
Будто нарочно, въ окнѣ кисть начинаетъ желтѣть.
Милая, полно! Не трогай... Къ чему этотъ духъ
разрушенья?
Ты доставать виноградъ высунешь руку на дворъ—
Бѣлую, полную ручку легко распознаютъ сосѣди,
Скажутъ: она у него въ комнатѣ тайно была.

Съ корзиной, полною цвѣтовъ, на головѣ,
Изъ сумрака аллей она на свѣтъ вступила—
И побѣжала тѣнь за ней по муравѣ,
И полъ-лица ей тѣнь корзины осѣнила;
Но и подъ тѣнію узнаешь ты какъ разъ
Примѣты южнаго созданья безъ ошибки—
По свѣтлому зрачку неотразимыхъ глазъ,
По откровенности младенческой улыбки.

Друзья, какъ онъ хорошъ за чашею вина!
Какъ молодой души неопытность видна!
Его шестнадцать лѣтъ, его живые взоры,
Ланиты нѣжныя, заносчивые споры,
Порывы дружества, негодованье, гнѣвъ—
Все обѣщаетъ въ немъ любимца зоркихъ дѣвъ.

Въ лѣса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня, порой, уносятъ сны
Въ твою привѣтливую келью.

Въ благоуханьи простоты,
Дитя—цвѣтокъ дубравной сѣни,
Опять встрѣчать выходишь ты
Меня на шаткія ступени.

Вечерній воздухъ влажно-чистъ,
Вся покраснѣвъ, ты жмешь мнѣ руки,
И, сонныхъ липъ тревожа листъ,
Порхаютъ гаснущіе звуки...

Я уѣзжаю. Замираетъ
Въ устахъ обычное «прости».
Куда судьба меня кидаетъ?
Куда мнѣ грусть мою нести?

Молчу. Ко мнѣ всегда жестокой
Была ты много-много лѣтъ,
Но, можетъ быть, въ странѣ далекой
Я вдругъ услышу твой привѣтъ.

Въ долинѣ, иногда, прощаясь,
Крутой минувши поворотъ,
Напрасно странникъ, озираясь,
Другого голосомъ зоветъ.

Но смерклось—надъ стѣною черной
Горятъ извивы облаковъ—
И тамъ, внизу, съ тропы нагорной
Ему прощальный слышенъ зовъ.

На желѣзной дорогѣ

Морозъ и ночь надъ далью снѣжной,
А здѣсь уютно и тепло,
И предо мной твой обликъ нѣжный
И дѣтски чистое чело.

Полны смущенья и отваги,
Съ тобою, кроткій серафимъ,
Мы черезъ дебри и овраги
На змѣѣ огненномъ летимъ.

Онъ сыплетъ искры золотыя
На озаренные снѣга,
И снятся намъ мѣста иныя,
Иные снятся берега...

Въ мерцаньи одинокой свѣчки,
Ночнымъ путемъ утомлена,
Твоя старушка противъ печки
Въ глубокій сонъ погружена.

Но ты красою ненаглядной
Еще томиться мнѣ позволь:
Съ какой заботою отрадной
Лелѣетъ сердце эту боль!

И, серебромъ облиты луннымъ,
Деревья мимо насъ летятъ,
Подъ нами съ грохотомъ чугуннымъ
Мосты мгновенные гремятъ.

И, какъ цвѣты волшебной сказки,
Полны сердечнаго огня,

Твои агатовые глазки,
Съ улыбкой радости и ласки,
Порою смотрятъ на меня.

Изъ Гафиза

Звѣзда полуночи дугой золотою скатилась,
На лоно земное съ его суетою скатилась.
Цвѣты тамъ она увидала и травы долины,
И радостной ихъ и живой пестротою плѣнилась.
Она услыхала звонки говорливые стада,
И мелкихъ серебряныхъ звуковъ игрою плѣнилась.
Коня увидала она, проскакавшаго въ полѣ,
И лошади статной летучей красою плѣнилась.
И мирными кровами хижинъ она и деревьевъ,
И даже убогой гнилушкой лѣсною плѣнилась,
И, все полюбя, ужъ на небо она не просилась—
И рада была, что ночною порою скатилась.

Изъ Гейне

1

Какъ луна, свѣтя во мракѣ,
Прорѣзаетъ паръ густой,
Такъ изъ темныхъ лѣтъ всплываетъ
Ясный образъ предо мной.

Всѣ на палубѣ сидѣли,
Гордо Рейнъ судно качалъ,
Поздній лучъ младую зелень
Береговъ озолочалъ.

И у ногъ прекрасной дамы
Я задумчиво сидѣлъ,
Блѣдный ликъ ея на солнцѣ
Яркимъ пламенемъ горѣлъ.

Струнъ томленье, хоровъ пѣнье,
Жизнь, какъ праздникъ, хороша!
Небо стало голубѣе,
Расширялася душа.

Чудной сказкою тянулись
Замки, горы мимо насъ,
И свѣтились мнѣ навстрѣчу—
Въ парѣ ясныхъ женскихъ глазъ.

2

Они любили другъ друга,
Но каждый упорно молчалъ,
Смотрѣли врагами, но каждый
Въ томленьѣ любви изнывалъ.

Они разстались—и только
Встрѣчались въ видѣньѣ ночномъ;
Давно они умерли оба
И сами не знали о томъ.

Мы ѣхали двое. Подъ нею
Шелъ мѣрно и весело мулъ.
Мы въѣхали молча въ аллею,
И лучъ изъ-за листвы блеснулъ.

Всѣ гроздья по темной аллеѣ
Зажглися прощальнымъ огнемъ—

Горятъ все свѣтлѣе, алѣе—
И вотъ мы въ потемкахъ вдвоемъ...

«Не бойтесь, синьора, я съ вами!»
И ручку синьоры я взялъ
И долго, прильнувши устами,
Я ручку ея цѣловалъ.

Не смѣйся, не дивися мнѣ,
Въ недоумѣньѣ дѣтски грубомъ,
Что передъ этимъ дряхлымъ дубомъ
Я вновь стою по старинѣ:

Немного листьевъ на челѣ
Больного старца уцѣлѣли,
Но вновь съ весною прилетѣли
И жмутся горленки въ дуплѣ.

А. Н. Майковъ

(1821—1897)

Искусство

Срѣзалъ себѣ я тростникъ у прибрежья шумнаго
моря.
Нѣмъ, онъ забытый лежалъ въ моей хижинѣ бѣдной.
Разъ увидалъ его старецъ прохожій, къ ночлегу
Въ хижину къ намъ завернувшій. (Онъ былъ
непонятенъ,
Чуденъ на нашей глухой сторонѣ). Онъ обрѣзалъ
Стволъ и отверстій надѣлалъ, къ устамъ приложилъ
ихъ,
И оживленный тростникъ вдругъ исполнился звукомъ
Чуднымъ, какимъ оживлялся порою у моря,
Если внезапно зефиръ, зарябивъ его воды,
Трости коснется и звукомъ наполнитъ поморье.

Октава

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,

Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ,
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

Свирѣль

Вотъ тростникъ, сухой и звонкой...
Добрый Панъ! перевяжи
Осторожно нитью тонкой
И въ свирѣль его сложи.
Подѣлись со мной искусствомъ
Трели въ ней перебирать,
Оживлять ихъ мыслью, чувствомъ,
Понижать и повышать,
Чтобъ мнѣ въ зной полдня златого
Горы, рощи усыпить
И изъ волнъ ручья лѣсного
Въ гротъ наяду приманить.

Сонъ

Когда ложится тѣнь прозрачными клубами
На нивы желтыя, покрытыя скирдами,
На синіе лѣса, на влажный злакъ луговъ;
Когда надъ озеромъ бѣлѣетъ столпъ паровъ,
И въ рѣдкомъ тростникѣ, медлительно качаясь,
Сномъ чуткимъ лебедь спитъ, на влагѣ отражаясь,—
Иду я подъ родной соломеный мой кровъ,
Раскинутый въ тѣни акацій и дубовъ:
И тамъ, въ урочный часъ, съ улыбкой устъ привѣтныхъ,
Въ вѣнцѣ дрожащихъ звѣздъ и маковъ темноцвѣтныхъ,

Съ таинственныхъ высотъ, воздушною стезей,
Богиня мирная, являясь предо мной,
Сіяньемъ палевымъ главу мнѣ обливаетъ
И очи тихою рукою закрываетъ,
И, кудри подобравъ, главой склонясь ко мнѣ,
Лобзаетъ мнѣ уста и очи въ тишинѣ.

На мысѣ семъ дикомъ, увѣнчанномъ бѣдной осокой,
Покрытомъ кустарникомъ ветхимъ и зеленью сосенъ,
Печальный Мениксъ, престарѣлый рыбакъ, схоронилъ
Погибшаго сына. Его взлелѣяло море,
Оно же его и пріяло въ широкое лоно,
И на берегъ бережно вынесло мертвое тѣло.
Оплакавши сына, отецъ подъ развѣсистой ивой
Могилу ему ископалъ и, накрывъ ее камнемъ,
Плетеную вершу изъ ивы надъ нею повѣсилъ —
Угрюмой ихъ бѣдности памятникъ скудный!

Дума

Жизнь безъ тревогъ — прекрасный, свѣтлый день;
Тревожная — весны младыя грозы;
Тамъ — солнца лучъ, и въ зной оливы сѣнь,
А здѣсь — и громъ, и молнія, и слезы...
О, дайте мнѣ весь блескъ весеннихъ грозъ:
И горечь слезъ, и сладость слезъ!

Надъ необъятною пустыней Океана,
Съ кошницею цвѣтовъ, проносится Весна,
Роняя ихъ на грудь угрюмаго титана...

Увы, не для него, веселія полна,
Любовь и счастіе несетъ съ собой она!
Иные есть края, гдѣ горы и долины,
Иное царство есть, гдѣ ждетъ ее привѣтъ...
Трезубецъ опустивъ, онъ смотритъ ей во слѣдъ...
Разгладились чела глубокія морщины —
Она жъ летитъ—что сонъ—вся красота и свѣтъ—
Нетерпѣливый взоръ куда-то вдаль вперяя
И бога мрачнаго какъ-будто и не зная...

———

Голубенькій, чистый
Подснѣжникъ-цвѣтокъ!
А подлѣ сквозистый
Послѣдній снѣжокъ...
Послѣднія слезы
О горѣ быломъ,
И первыя грезы
О счастьѣ иномъ...

———

Весна! выставляется первая рама—
И въ комнату шумъ ворвался:
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Мнѣ въ душу повѣяло жизнью и волей:
Вонъ—даль голубая видна...
И хочется въ поле, въ широкое поле,
Гдѣ, шествуя, сыплетъ цвѣтами весна.

———

Призывъ

Ужъ утра свѣжее дыханье
Въ окно прохладой вѣетъ мнѣ.
На озаренное созданье
Смотрю въ волшебной тишинѣ:
На главахъ смоляного бора,
Вдали лежащаго вѣнцомъ,
Востокъ пурпуровымъ ковромъ
Зажгла стыдливая Аврора,
И, съ блескомъ алымъ на водахъ,
Между рядами черныхъ елей,
Почіетъ озеро въ брегахъ,
Какъ спитъ ребенокъ въ колыбели.
А тамъ, вкругъ холма, гдѣ шумитъ
По вѣтру мельница крылами —
Ручей алмазными водами
Вкругъ яркой озими бѣжитъ...
Какъ теменъ сводъ деревъ вѣтвистыхъ!
Какъ зеленъ бархатъ луговой!
Какъ сладокъ духъ отъ соснъ смолистыхъ
И отъ черемухи младой!...
О, други, въ поле! силой дивной
Мнѣ утро грудь животворитъ...
Чу! въ рощѣ голосъ заунывный
Весенней иволги гремитъ.

Лѣтній дождь

«Золото, золото падаетъ съ неба!»
Дѣти кричатъ и бѣгутъ за дождемъ...
— Полноте, дѣти, его мы соберемъ,

Только сберемъ золотистымъ зерномъ,
Въ полныхъ амбарахъ душистаго хлѣба!

Помнишь—мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдругъ засталъ насъ ливень далеко отъ дома.
Мы спѣшили скрыться подъ мохнатой елью...
Не было конца тутъ страху и веселью.
Дождикъ лилъ сквозь солнце, и подъ елью мшистой
Мы стояли точно въ клѣткѣ золотистой;
По землѣ вокругъ насъ точно жемчугъ прыгалъ;
Капли дождевыя, скатываясь съ иголъ,
Падали, блистая, на твою головку,
Или съ плечъ катились прямо подъ снуровку...
Помнишь—какъ все тише смѣхъ нашъ становился...
Вдругъ надъ нами прямо громъ перекатился,—
Ты ко мнѣ прижалась, въ страхѣ очи жмуря...
Благодатный дождикъ! золотая буря!

Вотъ бѣдная чья-то могила
Цвѣтами, травой заростаетъ;
Подъ розами даже не видно,
Чье имя плита возглашаетъ...

О, бѣдный! и въ сердцѣ у милой
О жизни мечты золотыя
Не такъ же ль, какъ розы, закрыли
Когда-то черты дорогія?...

Ласточки

Мой садъ съ каждымъ днемъ увядаетъ.
Помятъ онъ, поломанъ и пустъ,
Хоть пышно еще доцвѣтаетъ
Настурцій въ немъ огненный кустъ.

Мнѣ грустно! Меня раздражаетъ
И солнца осенняго блескъ,
И листъ, что съ березы спадаетъ,
И позднихъ кузнечиковъ трескъ.

Взгляну ль, по привычкѣ, подъ крышу—
Пустое гнѣздо подъ окномъ:
Въ немъ ласточекъ рѣчи не слышу,
Солома обвѣтрилась въ немъ...

А помню я, какъ хлопотали
Двѣ ласточки, строя его,
Какъ прутики глиной скрѣпляли,
И пуху таскали въ него!

Какъ веселъ былъ трудъ ихъ, какъ ловокъ!
Какъ любо имъ было, когда
Пять маленькихъ, быстрыхъ головокъ
Выглядывать стали съ гнѣзда!

И цѣлый-то день говоруньи
Какъ дѣти вели разговоръ...
Потомъ полетѣли, летуньи!
Я мало ихъ видѣлъ съ тѣхъ поръ!

И вотъ ихъ гнѣздо одиноко!
Онѣ ужъ въ иной сторонѣ —
Далеко, далеко, далеко...
О, если бы крылья и мнѣ!...

Fiorina

«Смуглянка милая, я изъ страны далекой,
«И здѣсь въ развалинахъ блуждаю одинокой.
«И все-то чудно мнѣ... Скажи (ты рождена
«Въ долинѣ здѣсь), скажи: какое это зданье?
«Ты знаешь, ангелъ мой, какъ говоритъ преданье,
«Кѣмъ строено, зачѣмъ, въ какія времена?»
— Не знаю, мы сюда за земляникой ходимъ,
А нà зиму стада пастись сюда приводимъ.
Бываютъ многіе и смотрятъ. Кардиналъ
Сюда съ дворомъ своимъ намедни пріѣзжалъ.
Я ягодъ подала ему; онъ взялъ немного,
Благословилъ меня, велѣлъ молиться Богу,
Красавицей меня и умницей назвалъ...
На мнѣ въ тотъ день вѣнокъ былъ изъ листковъ
дубовыхъ,
А въ косы я вплела нить бисеровъ перловыхъ.

Мадонна

Стою предъ образомъ мадонны:
Его писалъ монахъ святой,
Старинный мастеръ, не ученый;
Видна въ немъ робость, стиль сухой.

Но робость кисти лишь сугубитъ
Величье Дѣвы: такъ она
Вамъ сострадаетъ, такъ васъ любитъ,
Такою благостью полна,

Что вѣришь, какъ гласитъ преданье,
Передъ художникомъ святымъ

Сама Пречистая, въ сіяньѣ,
Являлась, видима лишь имъ.

Измученъ подвигомъ духовнымъ,
Постомъ суровымъ изнуренъ,
Не разъ, на помостѣ церковномъ,
Былъ поднятъ иноками онъ;

И, призванъ къ жизни ихъ мольбами,
Еще глаза открыть боясь,
Онъ братью раздвигалъ руками
И шелъ къ холсту, душой молясь,

Брался за кисть, и, въ умиленьѣ,
Онъ кистью тò изображалъ,
Что отъ небеснаго видѣнья
Въ воспоминаньѣ сохранялъ.

И слезы тихія катились
Вдоль блѣдныхъ щекъ—и, страхъ тая,
Монахи вкругъ него молились
И плакали... какъ плачу я...

Еще я полнъ, о, другъ мой милый,
Твоимъ явленьемъ, полнъ тобой;
Какъ будто ангелъ легкокрылый
Слеталъ бесѣдовать со мной.

И, проводивъ его въ преддверье
Святыхъ небесъ, я безъ него
Сбираю выпавшія перья
Изъ крыльевъ радужныхъ его.

Изъ Петрарки

Когда она вошла въ небесныя селенья,
Ее со всѣхъ сторонъ соборъ небесныхъ силъ,
Въ благоговѣніи и тихомъ изумленьи,
Изъ глубины небесъ слетѣвшись, окружилъ.
«Кто это?—шопотомъ другъ друга вопрошали—
«Давно ужъ изъ страны порока и печали
«Не восходило къ намъ, въ сіяньи чистоты,
«Столь строго дѣвственной и свѣтлой красоты».

И, тихо радуясь, она въ ихъ сонмъ вступаетъ,
Но, замедляя шагъ, свой взоръ по временамъ
Съ заботой нѣжною на землю обращаетъ,
И ждетъ, иду ли я за нею по слѣдамъ...
Я знаю, милая! Я день и ночь на стражѣ!
Я Господа молю! молю и жду—когда же?...

Изъ Шенье

Я былъ еще дитя: она уже прекрасна...
Какъ часто, помню я, съ своей улыбкой ясной,
Она меня звала! Играя съ ней, рѣзвясь,
Младенческой рукой запутывалъ не разъ
Я локоны ея. Персты мои скользили
По груди, по челу, межъ пышныхъ розъ и лилій...
Но чаще посреди поклонниковъ своихъ
Надменная меня ласкала, а на нихъ
Лукаво-нѣжный взоръ поднявъ какъ бы случайно,
Дарила поцѣлуй, съ насмѣшливостью тайной,
Устами алыми младенческимъ устамъ.

Завидуя въ тиши божественнымъ дарамъ,
Шептали юноши, сгорая въ нѣгѣ страстной:
«О, сколько милыхъ ласкъ потеряно напрасно!»

Изъ Гейне

Они о любви говорили
За чайнымъ блестящимъ столомъ.
Изяществомъ дамы сіяли,
Мужчины — тончайшимъ умомъ.

«Любовь въ платоническомъ чувствѣ»,
Замѣтилъ совѣтникъ въ звѣздахъ.
Совѣтница зло улыбнулась,
Однако, промолвила: «ахъ!»

Въ отвѣтъ ему толстый каноникъ:
«Любить надо въ мѣру, затѣмъ —
Что иначе — вредъ для здоровья».
Княжна проронила: «а чѣмъ?»

Съ улыбкой давая барону
Душистаго чаю стаканъ,
Графиня сказала протяжно:
«Амуръ — безпощадный тиранъ!»

За чаемъ еще было мѣсто:
Тебѣ бъ тамъ, малютка, засѣсть,
И, слушая только сердечка,
Урокъ о любви имъ прочесть.

На морѣ

(Изъ Гейне)

Тишь и солнце! Спятъ пучины,
Чуть волною шевеля;
Изумрудныя морщины
Вкругъ бѣгутъ отъ корабля.

Въ штиль о морѣ не тревожась,
Спитъ, какъ мертвый, рулевой.
Весь въ дегтю, у мачты съежась,
Мальчикъ чинитъ холстъ худой.

Съ грязныхъ щекъ румянецъ пышетъ,
Ротъ, готовый всхлипнуть, сжатъ;
Грудь все чаще, чаще дышитъ,
Лобъ наморщенъ, поднятъ взглядъ.

Передъ нимъ, багровъ отъ водки,
Капитанъ стоитъ, вопя:
«Негодяй! ты—красть селедки!
«Вотъ я вышколю тебя!»

Тишь и солнце!... Въ влагѣ чистой
Рыбка прыгаетъ; кольцомъ
Вьетъ свой хвостикъ серебристый,
Шутитъ съ солнечнымъ лучомъ.

Вдругъ по небесамъ пустыннымъ
Свищетъ чайка, какъ стрѣла,
И, нырнувши клювомъ длиннымъ,
Съ рыбкой въ небо поплыла.

Аккерманскія степи

(Изъ Мицкевича)

СОНЕТЪ

Въ просторъ зеленаго вплываю океана;
Телѣга, какъ ладья въ разливѣ свѣтлыхъ водъ,
Въ волнахъ шумящихъ травъ, среди цвѣтовъ плыветъ,
Минуя острова колючаго бурьяна.

Темнѣетъ; впереди — ни знака, ни кургана.
Ввѣряясь лишь звѣздамъ, я двигаюсь впередъ...
Но что тамъ? облако ль? денницы ли восходъ?
Тамъ Днѣстръ; блеснулъ маякъ, лампада Аккермана.

Стой... Боже, журавлей на небѣ слышенъ летъ,
А ихъ — и сокола не уловило бъ око!
Былинку мотылекъ колеблетъ; вотъ ползетъ

Украдкой скользкій ужъ, шурша въ травѣ высокой—
Такая тишина, что зовъ съ Литвы бъ далекой
Былъ слышенъ... Только нѣтъ, никто не позоветъ!

Н. А. Некрасовъ

(1821—1877)

Пѣсня

Отпусти меня, родная,
Отпусти, не споря!
Я не травка полевая,
Я взросла у моря.

Не рыбацкій парусъ малый —
Корабли мнѣ снятся.
Скучно! въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.

Здѣсь, какъ въ клѣткѣ, заперта я,
Сонъ кругомъ глубокій...
Отпусти меня, родная,
На просторъ широкій,

Гдѣ сама ты грудью бѣлой
Волны разсѣкала,
Гдѣ тебя я гордой, смѣлой,
Счастливой видала.

Ты не съ пѣснею побѣдной
Къ берегу пристала,
Но хоть часъ изъ жизни бѣдной
Торжество ты знала.

Пусть и я сломлюсь отъ горя—
Не жалѣй ты дочку!
Коли выростетъ у моря —
Не спастись цвѣточку,

Все равно! Сегодня счастье,
Завтра буря грянетъ,
Разыграется ненастье,
Вѣтеръ съ моря встанетъ,

Въ день одинъ песку нагонитъ
На прибрежный цвѣтикъ
И навѣки похоронитъ!...
Отпусти, мой свѣтикъ!...

Влюбленному

Какъ вѣсти о дорогѣ трудной,
Когда-то пройденной самимъ,
Внимаю рѣчи безразсудной,
Надеждамъ розовымъ твоимъ.
Любви безумными мечтами
И я по твоему кипѣлъ,
Но я дѣлить ихъ не хотѣлъ
Съ моими праздными друзьями.
За счастье сердца моего
Томимъ боязнію ревнивой,
Не допускалъ я никого
Въ тайникъ души моей стыдливой.

Зато теперь, когда угасъ
Въ груди тотъ пламень благодатный —
О прошломъ счастіи разсказъ
Твержу съ отрадой непонятной...
Такъ проникаемъ мы легко
И въ недоступное жилище —
Когда хозяинъ далеко,
Или почіетъ на кладбищѣ.

Л. А. Мей

(1822—1862)

Ты печальна, ты тоскуешь,
Ты въ слезахъ, моя краса!...
А слыхала ль въ старой пѣснѣ:
«Слезы дѣвичьи—роса»?

Поутру на поле пала,
А къ полудню нѣтъ слѣда...
Такъ и слезы молодыя
Исчезаютъ навсегда,
Словно ро́сы полевыя:
Знаетъ Богъ одинъ—куда...

Развѣваетъ ихъ и сушитъ
Жаркимъ пламенемъ въ крови
Вихорь юности мятежной,
Солнце красное любви...

Изъ Анакреона

Посмотри—весна вернулась,
Сыплютъ розами хариты;
Посмотри—на синемъ морѣ
Волны дремою повиты;

Посмотри—ныряютъ утки,
Журавлей летитъ станица;
Посмотри—Титана-Солнца
Въ полномъ блескѣ колесница;
Тучи тихо уплываютъ,
Унося ненастья пору;
На поляхъ труды людскіе
Говорятъ отрадно взору;
Гея нѣжные посѣвы
На груди своей лелѣетъ;
Почка маслины пробилась
Сквозь кору и зеленѣетъ;
Лозы пламеннаго Вакха
Кроетъ листва молодая,
И плодовъ румяныхъ завязь
Расцвѣла, благоухая.

А. М. Жемчужниковъ

(1822—1908)

Притча о сѣятелѣ и сѣменахъ

Шелъ сѣятель съ зернами въ полѣ и сѣялъ—
И вѣтеръ повсюду тѣ зерна развѣялъ.
Одни при дорогѣ упали: порой
Ихъ топчетъ прохожій небрежной ногой,
И птицъ, изъ окрестныхъ степей пролетая,
На нихъ нападаетъ голодная стая.
Другія на камень безплодный легли
И вскорѣ безъ корня и влаги взошли —
И въ пламенный полдень дневное свѣтило
Былинку палящимъ лучемъ изсушило.
Средь тернія пало иное зерно—
И въ терніи дикомъ заглохло оно.
Напрасно шелъ дождь, и съ прохладной зарею
Поля освѣжались небесной росою:
Одинъ за другими проходятъ года—
Отъ зеренъ тѣхъ нѣтъ и не будетъ плода.

Но въ добрую землю упавшее сѣмя —
Какъ жатвы настанетъ урочное время —
Готовя стократно умноженный плодъ,
Высоко и быстро, и сильно растетъ,
И блещетъ красою, и жизнію дышитъ...
Имѣющій уши, чтобъ слышать—да слышитъ!

Ю. В. Жадовская

(1824—1883)

Приближающаяся туча

Какъ хорошо! Въ безмѣрной высотѣ
Летятъ рядами облака, чернѣя,
И свѣжій вѣтеръ дуетъ мнѣ въ лицо,
Передъ окномъ цвѣты мои качая.
Вдали гремитъ, и туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несется...
Какъ хорошо! Передъ величьемъ бури
Души моей тревога утихаетъ.

А. Н. Плещеевъ

(1825—1893)

Ночь пролетала надъ міромъ,
  Сны на людей навѣвая;
Съ темно-лазуревой ризы
  Сыпались звѣзды, сверкая.
Старые мощные дубы,
  Вѣчно-зеленыя ели,
Грустныя ивы листвою
  Ночи навстрѣчу шумѣли.
Радостно волны журчали,
  Образъ ея отражая;
Рожь наклонялась, сильнѣе
  Пахла трава луговая.
Крики кузнечиковъ рѣзвыхъ
  И соловьиныя трели,
Въ хорѣ хвалебномъ сливаясь,
  Въ воздухѣ тихомъ звенѣли.
И улыбалася кротко
  Ночь, надъ землей пролетая...
Съ темно-лазуревой ризы
  Сыпались звѣзды, сверкая...

Изъ Рюккерта

Тѣни горъ высокихъ
На воду легли;
Потянулись чайки
Бѣлыя вдали.

Тихо все. Томленьемъ
Дышитъ грудь моя.
Какъ теперь бы крѣпко
Обнялъ друга я!..

Весело выходитъ
Странникъ утромъ въ путь,
Но подъ вечеръ дома
Радъ бы отдохнуть.

Изъ Эйхендорфа

1

И долъ, и лѣсъ объяты тьмой;
Необозримы, молчаливы,
Лежатъ поля передо мной,
И не колышитъ вѣтеръ нивы.

Вдали раздался гдѣ-то звонъ:
То бьютъ часы—протяжно, мѣрно,
Въ испугѣ встрепенулась серна
И снова погрузилась въ сонъ.

Вотъ на горѣ сосновый боръ,
Шумя, вершины преклоняетъ:

Господь идетъ по высямъ горъ
И спящій край благословляетъ.

2

Казалось, небо землю тихо
Поцѣловало передъ сномъ,
Чтобы оно ей только снилось
Въ прозрачномъ сумракѣ ночномъ.

Скользилъ по нивамъ вѣтеръ теплый,
Колосьевъ двигалась волна,
И перешоптывались листья,
И ночь въ звѣздахъ была ясна.

И, широко расправивъ крылья,
Душа моя, въ тиши ночной,
Неслась надъ спящею долиной,
Неслась какъ будто бы домой.

Изъ Гейне

1

Разстаемся мы надолго,
Мой родимый городокъ—
Ясныхъ дней моихъ могила,
Колыбель моихъ тревогъ.

И тебѣ, порогъ священный,
Гдѣ любимыхъ ножекъ слѣдъ,
Посылаю свой послѣдній,
Свой прощальный я привѣтъ.

О, зачѣмъ дано мнѣ было
Встрѣтить гордую ее!
Не страдало бъ, не томилось
Сердце бѣдное мое...

Я молчалъ, не докучая
Ей признаніемъ моимъ;
И дышать хотѣлъ я только
Съ нею воздухомъ однимъ.

Но меня отсюда гонятъ
Милой строгія слова...
Разорваться сердце хочетъ,
И поникла голова.

Потащусь дорогой пыльной,
Бѣдный странникъ, я, пока
Гдѣ нибудь, въ могилѣ темной,
Не замретъ моя тоска.

2

И у меня былъ край родной:
Прекрасенъ онъ.
Тамъ ель качалась надо мной...
Но то былъ сонъ.

Семья друзей была жива,
Со всѣхъ сторонъ
Звучали мнѣ любви слова...
Но то былъ сонъ.

Изъ Морица Гартмана

Капля дождевая
Говоритъ другимъ:
Что мы здѣсь въ окошко
Громко такъ стучимъ?

Отвѣчаютъ капли:
Здѣсь бѣднякъ живетъ;
Мы ему приносимъ
Вѣсть, что хлѣбъ растетъ.

Молчаніе

(Изъ Морица Гартмана)

Ни слова, о другъ мой, ни вздоха...
Мы будемъ съ тобой молчаливы...
Вѣдь, молча, надъ камнемъ могильнымъ
Склоняются грустныя ивы...

И только, склонившись, читаютъ,
Какъ я въ твоемъ сердцѣ усталомъ,
Что были дни яснаго счастья,
Что этого счастья не стало...

М. Л. Михайловъ

(1826—1865)

Изъ Гете

Съ тобою мысль моя—горятъ ли волны моря
Въ огнѣ лучей,
Луна ли кроткая, съ туманомъ ночи споря,
Сребритъ ручей.

Я вижу образъ твой, когда далеко въ полѣ
Клубится прахъ,
И въ ночь, какъ странника объемлетъ, поневолѣ,
Тоска и страхъ.

Я слышу голосъ твой, когда начнетъ съ роптаньемъ
Волна вставать;
Иду въ долину я, объятую молчаньемъ,
Тебѣ внимать.

О, я вездѣ съ тобой, хоть далека отъ взора!
Съ тобой вездѣ!
Ужъ солнце за горой; взойдутъ и звѣзды скоро...
О, гдѣ ты? Гдѣ?

Ночная пѣсня странника

(Изъ Гете)

Ты, небесный, ты, святой,
Всѣ печали утоляющій,
Изнуренному борьбой
Облегченье посылающій!
Утомителенъ мой путь,
Край далекъ обѣтованный...
Миръ цѣлительный, желанный,
Снизойди въ больную грудь.

Одиссей

(Изъ Шиллера)

Всѣ моря переплылъ Одиссей, возвращаясь въ отчизну;
Слышалъ и Сциллы онъ лай, зрѣлъ и Харибды грозу;
Моря враждебнаго злобу и горе на сушѣ извѣдалъ,
Даже и въ темный аидъ, долго блуждая, попалъ;
Соннаго волны его принесли ко прибрежью Итаки:
Скорбный, отъ сна пробудясь, родины онъ не узналъ.

Пастухъ

(Изъ Гейне)

Ты—король, пастухъ красавецъ!
Этотъ холмъ—не тронъ ли твой?
Это солнце надъ тобою
Не вѣнецъ ли золотой?

Льстиво овцы въ алыхъ лентахъ
Улеглись предъ королемъ;
Камергерами телята
Важно шествуютъ кругомъ.

Изъ козлятъ придворной труппы
Каждый—чудо, не актеръ;
Колокольчики коровокъ,
Флейты птицъ—придворный хоръ.

Чудный звонъ, игра и пѣнье;
И порой имъ вторитъ гулъ
Темныхъ елей, водопада—
И король—глядишь—заснулъ.

Той порой бразды правленья
Принимаетъ вѣрный песъ:
Всѣмъ извѣстенъ нравъ министра,
Громкій лай и чуткій носъ.

А король во снѣ лепечетъ:
«Тяжело быть королемъ!
«Отдохнуть хотѣлъ бы дома
«Съ королевою вдвоемъ!

«Головой бы легъ державной
«На груди я у нея:
«Вѣдь въ глазахъ ея прекрасныхъ
«Все и царство-то мое!»

Изъ Гейне

1

Я при первой нашей встрѣчѣ
По глазамъ твоимъ, по рѣчи
Угадалъ любовь твою.

Если бъ мать тутъ не стояла,
Ты бъ на грудь ко мнѣ упала,
И сказала мнѣ: люблю!

Завтра снова мнѣ дорога:
Впереди осталось много
Безотраднаго пути.
Щелкнетъ бичъ у почтальона,
Грустно глянешь ты съ балкона,
Грустно молвлю я: прости!

2

Глазки весны голубые
Кротко глядятъ изъ травы...
Любы вы милой, фіалки:
Съ полемъ разстанетесь вы.

Рву я цвѣты и мечтаю...
Въ рощѣ поютъ соловьи...
Боже мой, кто разсказалъ имъ
Думы и грезы мои?

Громко они разглашаютъ
Все, что я въ сердцѣ таю...
Цѣлая роща узнала
Нѣжную тайну мою.

3

Опустясь головкой сонной
Подъ огнемъ дневныхъ лучей,
Тихо лотосъ благовонный
Ждетъ мерцающихъ ночей.

И лишь только выплываетъ
Въ небо кроткая луна,
Онъ головку поднимаетъ,
Пробуждаясь ото сна.

На листахъ душистыхъ блещетъ
Чистыхъ слезъ его роса,
И любовью онъ трепещетъ,
Грустно глядя въ небеса.

4

Снѣжная изморозь, вѣтеръ,
Слякоть—какъ-быть октябрю...
Сѣлъ я отъ скуки къ окошку,
Въ темень ночную смотрю.

Тусклый вдали огонечекъ
Виденъ во мракѣ сыромъ:
Это старушка изъ лавки
Тихо бредетъ съ фонаремъ.

Вѣрно мучицы купила,
Масла, яичекъ пятокъ:
Хочетъ большой своей дочкѣ
Сдобный испечь пирожокъ.

Дочка же дома—усѣлась
Въ кресло, и дремлется ей...
Милое личико скрыли
Русыя волны кудрей.

5

Падаетъ звѣздочка съ неба,
Съ яркой своей высоты...
Долго ли, звѣздочка счастья,
Въ небѣ мнѣ теплилась ты?

Съ яблони цвѣтъ облетаетъ,
Падаетъ листъ за листомъ;
Буйно ихъ вѣтеръ осенній
По полю носитъ кругомъ.

Лебедь запѣлъ свою пѣсню...
Тихо прудомъ онъ плыветъ...
Пѣсня все глуше и глуше...
Съ пѣсней и самъ онъ умретъ...

Грустно, темно... Ни листочка
Нѣтъ ужъ на вѣткахъ нагихъ...
Вотъ и звѣзда золотая
Гаснетъ... и лебедь затихъ.

6

Не радуетъ вешнее солнце
Смущенную душу мою:
У старыхъ развалинъ, подъ липой,
Одинъ и печаленъ стою.

Какъ ярко блеститъ подъ горою
Лазоревой гладью рѣка!
Плыветъ по ней лодка; далеко
Разносится пѣснь рыбака.

А тамъ, за рѣкою, пестрѣютъ
Подъ ясной улыбкой небесъ
Сады и бесѣдки, и дачи,
И люди, и стадо, и лѣсъ.

Вонъ дѣвушки берегомъ идутъ
Къ зыбучему плоту съ бѣльемъ;
Вонъ мельница шумно трудится—
И сыплетъ алмазнымъ дождемъ.

Вонъ древняя ветхая башня
И будка у старыхъ воротъ;
Солдатикъ въ нарядномъ мундирѣ
Тамъ ходитъ и взадъ, и впередъ.

Играетъ ружьемъ онъ—и ярко
Сверкаетъ на солнцѣ ружье...
«На плѐ-чо! на крȁ-улъ!» Солдатикъ!
Прицѣлься ты въ сердце мое!

Вопросы

(Изъ Гейне)

У моря, пустыннаго моря полночнаго,
Юноша грустный стоитъ.
Въ груди тревога, сомнѣньемъ полна голова,
И мрачно волнамъ говоритъ онъ:
«О, разрѣшите мнѣ, волны,
«Загадку жизни—
«Древнюю, полную муки загадку!
«Ужъ много мудрило надъ нею головъ—
«Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
«Головъ въ чалмахъ и въ черныхъ, съ перьями, шапкахъ,

«Головъ въ парикахъ, и тысячи тысячъ другихъ
«Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсильныхъ...
«Скажите мнѣ, волны, чтó есть человѣкъ?
«Откуда пришелъ онъ? куда пойдетъ?
«И кто тамъ надъ нами, на звѣздахъ живетъ?»
Волны журчатъ своимъ вѣчнымъ журчаньемъ,
Вѣетъ вѣтеръ, бѣгутъ облака,
Блещутъ звѣзды, безучастно-холодныя...
И дуракъ ожидаетъ отвѣта!

Изъ Гейне

1

Все море, братья, въ часъ заката
Горитъ кругомъ, какъ золотое...
Когда умру—на дно морское
Усопшаго вы бросьте брата!

Мы были долго съ моремъ дружны:
Волною ласковой, бывало,
Такъ часто скорби утоляло
Оно въ груди моей недужной.

2

Тѣнь—любовь твоя и ласки;
Жизнь и счастье наше—тѣнь.
Ахъ! не вѣрь вчерашней сказкѣ:
Новой былью дышитъ день.

Мимолетно наслажденье,
Мигъ любви—невѣренъ онъ...

Въ сердце крадется забвенье,
И глаза смыкаетъ сонъ.

3

Солнца, счастья шелъ искать—
Нагъ и плохъ вернулся вспять...
И бѣлье, и упованья
Истаскалъ въ своемъ скитаньѣ.

Скуденъ силой, худъ лицомъ...
Но—утѣшься! близко домъ:
Какъ у матери любимой,
Сладко спать въ землѣ родимой.

А иной въ пути сталъ хромъ—
Не вернется въ отчій домъ,
Плачетъ въ горѣ безутѣшномъ...
Боже, смилуйся надъ грѣшнымъ!...

4

Радость-рѣзвая гризетка
Посидитъ на мѣстѣ рѣдко,
Разъ-другой поцѣловала,
И гляди—ужъ убѣжала!

А старуха-горе дружно
Приласкаетъ, приголубитъ:
Торопиться ей не нужно,
Посидѣть съ работой любитъ.

Изъ Боденштедта

Мирза-Шаффи, пчелой прилежной,
Ты долго по свѣту леталъ;
Тебя поили влагой нѣжной
Фіалъ лилеи бѣлоснѣжной
И розы пурпурный фіалъ.

Пора изъ рощи благосклонной,
Мирза-Шаффи, тебѣ домой;
Съ своею ношей благовонной
На крыльяхъ пѣсни легкозвонной
Лети къ подругѣ молодой!

Изгнаніе

(Изъ Томаса Гуда)

Изъ-за моря ласточка
Весной полетитъ,
И вѣтеръ, мнѣ вѣющій,
Твой садъ навѣститъ.
Съ тѣмъ вѣтромъ корабликъ нашъ
Вернется домой;
А я?... не видать ужъ мнѣ
Сторонки родной!

Не мало тамъ льется слезъ—
И слезы твои
О томъ, что отъ слезъ твоихъ
Далеки мои.
И чѣмъ мы разрознены,
Родная, съ тобой?

Однимъ только моремъ ли,
Иль смертью самой?

Бѣлѣетъ ли облачко
Вдали на волнахъ,
Мнѣ грезится домикъ нашъ
На бѣлыхъ скалахъ.
Но облачко легкое
Вспорхнетъ къ небесамъ...
Знать, заживо, милая,
Не свидѣться намъ!

Пахарь

(Изъ Борнса)

Вешнее солнце взошло надъ землей—
Пахарь красавецъ идетъ за сохой.

Тихо идетъ онъ и громко поетъ:
«Кто-то весною, какъ пахарь, живетъ?»

Рѣзвая пташка летитъ въ небеса;
Рано проснулась: на крыльяхъ роса.

Съ пахаремъ пташка по утру поетъ:
Къ ночи подруга въ гнѣздо ее ждетъ.

Злая судьба

(Изъ Борнса)

Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!
Подъ знойнымъ вихремъ злой судьбы
Мой свѣжій листъ опалъ!

Мой станъ былъ прямъ, побѣгъ могучъ,
Мой цвѣтъ благоухалъ,
Въ росѣ ночной, въ блистаньи дня
Я бодро возрасталъ.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ;
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвѣтъ мой оборвалъ!

Изъ Петефи

Проснувшись, плачетъ дитя больное.
Надъ люлькой мать
Запѣла пѣсню—и смолкъ младенецъ
И спитъ опять.

Проснется ль съ плачемъ въ душѣ кручина,
Дитя невзгодъ—
Я запѣваю за пѣсней пѣсню:
Авось заснетъ!

П. И. Вейнбергъ

(р. 1830)

Доктрина

(Изъ Гейне)

Стучи въ барабанъ и не бойся,
Цѣлуй маркитантку подъ стукъ:
Вся мудрость житейская въ этомъ,
Весь смыслъ глубочайшiй наукъ.

Буди барабаномъ уснувшихъ,
Тревогу безъ устали бей,
Впередъ и впередъ подвигайся—
Въ томъ тайна премудрости всей.

И Гегель, и тайны науки—
Все въ этой доктринѣ одной...
Я понялъ ее, потому что
Я самъ барабанщикъ лихой.

Ильза

(Изъ Гейне)

Я зовусь принцессой Ильзой,
Въ Ильзенштейнѣ замокъ мой;
Приходи ко мнѣ—и будемъ
Мы блаженствовать съ тобой!

Я чело твое омою
Чистой, свѣжею волной,
И забудешь ты печали,
Другъ мой грустный и больной.

У меня на бѣлой груди,
Между бѣлыхъ рукъ моихъ,
Будешь ты лежать и грезить
О блаженствѣ дней былыхъ.

Зацѣлую, заласкаю,
Какъ заласканъ прежде мной
Императоръ милый Генрихъ,
Въ эту пору не живой...

Мертвецы лежатъ въ могилахъ,
Все живущее живетъ,
Молода я и прекрасна,
Сердце весело цвѣтетъ!

Приходи жъ скорѣй въ мой замокъ,
Въ мой хрустальный замокъ! Тамъ
Дамы, рыцари и пажи
Шумно пляшутъ по ночамъ;

Шпоры звонко раздаются,
Платья шелкомъ шелестятъ,

Гномы громко бьютъ въ литавры,
Барабанятъ и трубятъ.

Но, какъ Генриха, тебя я
Крѣпко, жарко обниму
И, при звукѣ трубномъ, уши
Такъ, какъ Генриху, зажму.

Сумерки

(Изъ Гейне)

На блѣдномъ морскомъ берегу
Я сидѣлъ одинокій и думами грустно томимый;
Солнце склонялось все ниже, бросая
Красныя полосы свѣта на воду;
И бѣлыя, дальнія волны,
Гонимыя быстрымъ приливомъ,
Кипѣли, шумѣли все ближе и ближе.
Чудный, таинственный шумъ... и свистъ, и шептанье,
Смѣхъ и журчанье, и стоны и хохотъ,
И тихая, полная тайнъ колыбельная пѣсня...
Чудилось мнѣ, что я слышу давно позабытыя сказки,
Старыя, милыя сказки,
Тѣ, что когда-то, ребенкомъ,
Слушалъ съ дѣтьми сосѣдей,
Когда, въ лѣтній вечеръ,
Мы, передъ домомъ, на каменныхъ сидя ступенькахъ,
Къ тихимъ разсказамъ склоняли
Дѣтское чуткое сердце
И пытливые умные глазки...
А взрослыя дѣвушки, въ домѣ,

Подлѣ душистыхъ цвѣточныхъ горшковъ,
У окошекъ сидѣли,
И лица цвѣтущія ихъ
Смѣялись, луной освѣщенныя...

Гдѣ?

(Изъ Гейне)

Гдѣ, странникъ усталый, найду я
Послѣдній пріютъ для костей?
Подъ милыми липами Рейна?
Подъ пальмами южныхъ степей?

Въ глухой ли пустынѣ я буду
Схороненъ чужою рукой?
Въ песокъ ли зыбучій у моря
Улягусь на вѣчный покой?

Что нужды? Вѣдь Божіе небо
Останется вѣчно при мнѣ,
И звѣзды, какъ факелы, будутъ
Горѣть надо мной въ вышинѣ.

Н. А. Добролюбовъ

(1836—1861)

Пускай умру—печали мало.
Одно страшитъ мой умъ больной,
Чтобы и смерть не разыграла
Обидной шутки надо мной.

Боюсь, чтобъ надъ холоднымъ трупомъ
Не пролилось горячихъ слезъ,
Чтобъ кто-нибудь, въ усердьи глупомъ,
На гробъ цвѣтовъ мнѣ не принесъ;

Чтобъ безкорыстною толпою
За нимъ не шли мои друзья,
Чтобъ подъ могильною землею
Не сталъ любви предметомъ я;

Чтобъ все, чего желалъ такъ жадно
И такъ напрасно я живой,
Не улыбнулось мнѣ отрадно
Надъ гробовой моей доской.

К. К. Случевскій

(1837—1904)

Весной

Послѣднимъ льдомъ своимъ спирая
Судовъ высокіе бока,
Въ теплѣ весны шумя и тая,
Готова тронуться рѣка.

На югъ сіяющій и знойный,
Къ странѣ счастливой и иной
Ты добѣжишь, потокъ спокойный,
Своей работницей-волной.

Съ журчаньемъ нѣжнымъ и печальнымъ
Другимъ звѣздамъ, въ вечерній часъ,
Чужимъ странамъ и людямъ дальнымъ,
Рѣка, повѣдай и о насъ.

Скажи, какъ къ намъ весна приходитъ,
Что долго ждемъ, что скучны дни,
Что смерть съ весной здѣсь дружбу водитъ
И люди гаснутъ, какъ огни.

А. Н. Апухтинъ

(1841—1893)

Ночи безумныя, ночи безсонныя,
Рѣчи несвязныя, взоры усталые...
Ночи, послѣднимъ огнемъ озаренныя,
Осени мертвой цвѣты запоздалые!

Пусть даже время рукой безпощадною
Мнѣ указало, что было въ васъ ложнаго—
Все же лечу я къ вамъ памятью жадною,
Въ прошломъ отвѣта ищу невозможнаго...

Вкрадчивымъ шопотомъ вы заглушаете
Звуки дневные, несносные, шумные...
Въ темную ночь вы мой сонъ отгоняете,
Ночи безсонныя, ночи безумныя!

Гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ

(р. 1848)

— –

Первый громъ

Я услыхалъ сегодня первый громъ.
Онъ въ полдень прогремѣлъ изъ тучки малой,
А черезъ часъ цвѣтокъ гвоздики алой
Ужъ распустился въ цвѣтникѣ моемъ
И весело кивалъ мнѣ головою,
Обрызганный весь влагой дождевою.
Я вышелъ въ садъ: шумя со всѣхъ сторонъ,
По воздуху махая, какъ руками,
Пахучими и мокрыми вѣтвями,
Безъ умолку болталъ о чемъ-то онъ;
Его перекричать старались птицы:
Свисталъ скворецъ и громко зябликъ пѣлъ,
И вдругъ, опять, какъ поѣздъ колесницы,
Далекій громъ въ природѣ прогремѣлъ.

И—Богъ вѣсть, почему—я вспомнилъ живо
Дни юности и первую любовь:
Какъ тучка въ полдень, быстро и гнѣвливо,
Она прошла и не вернется вновь;

Но изрѣдка, въ часы воспоминанья,
Мнѣ чудятся волшебныя мерцанья,
И слышу я, тревогою объятъ,
Въ нѣмой дали таинственный раскатъ...

Орелъ

Въ раздумьи гордомъ и нѣмомъ,
Вперивъ въ пространство взоръ глубокій,
Орелъ на камнѣ полевомъ
Сидѣлъ, какъ странникъ одинокій.

Крикливыхъ птицъ враждебный рой
Надъ головой его кружился,
И вихрь, взметая прахъ земной,
Кругомъ испуганно носился.

Но недвижимъ, питомецъ скалъ,
Не внемля суетному шуму,
Орелъ на камнѣ отдыхалъ
И думалъ царственную думу...

Когда жъ, очнувшись, оглянулъ
Весь этотъ жалкій міръ безсилья—
Затосковавъ, онъ развернулъ
Сѣдыя, медленныя крылья.

И—царь заоблачныхъ высотъ,
Случайный гость земли печальной—
Направилъ вольный свой полетъ
За грани тучъ, къ лазури дальной...

Высоко отъ тщеты земной
Вознесся, праху неподвластный,
И, къ дольней жизни безучастный,
Исчезнулъ въ безднѣ голубой...

Бушуетъ буря. Ночь темна.
Внимаю вѣтра завыванья:
Онъ, какъ бродяга, у окна
Стучитъ и проситъ подаянья.

Отдамъ ему свою печаль—
Печаль, что въ сердцѣ тайно тлѣетъ:
Пусть въ полѣ онъ ее развѣетъ
И унесетъ съ собою вдаль...

Н. М. Минскій

(Виленкинъ)

(р. 1855)

Искусство

Въ глухой, полночный часъ взгляни на лѣсъ цвѣтущій,
Потомъ въ лучахъ утра на тотъ же лѣсъ взгляни.
Не тѣ же ль предъ тобой шумятъ деревьевъ кущи,
Не тотъ же ли ручей лепечетъ въ ихъ тѣни?
Иль утро свѣтлое ручей обогатило
Хотя бъ одной струей, одною вѣткой—лѣсъ?
Но ты ихъ не узналъ: ихъ солнце освѣтило!
И волны ожили, и каждый листъ воскресъ!
И все, что въ нѣдрахъ тьмы дремало сокровенно,
Ликуя, родилось передъ лицомъ вселенной.

Фонтанъ

Подъ солнцемъ лѣтнимъ, въ часъ полдневный,
Въ пескѣ горючемъ я шагалъ.
Тяжелый зной, недвижный, гнѣвный,
Лицо пустыни сожигалъ.
Объяты ужасомъ, застыли

Утесы мглистою грядой.
На нихъ, сквозь дымку ѣдкой пыли,
Кой-гдѣ виднѣлся мохъ сѣдой,
И росъ бурьянъ мертворожденный.
Блестѣлъ сводъ неба раскаленный,
И блескъ, и зной, и мгла, и сонъ,
Казалось, въ душу проникали.
Я шелъ, въ забытье погруженъ,
Исполненъ страха и печали.

И вдругъ какихъ-то близкихъ струй
Въ тиши послышалось журчанье:
Нѣжнѣй, чѣмъ дѣтскій поцѣлуй,
Звучнѣй, чѣмъ гуріи лобзанье.
И въ тѣлѣ немощномъ моемъ
Проснулись бодрость и веселье,
Когда сокрытый водоемъ
Передо мной блеснулъ въ ущельѣ.
Бѣжалъ изъ камня ключъ живой,
А надъ живымъ ключемъ фонтана
Глаголъ незыблемый корана
Былъ врѣзанъ набожной рукой.

Молитву небу прошептавши,
Къ студеной влагѣ я приникъ:
Благословенъ Господь, создавшій
Въ груди скалы живой родникъ!
Благословенъ, кто въ духъ мой мрачный,
Сухой, какъ груды этихъ скалъ,
Внѣдрилъ источникъ слезъ прозрачный
И письмена любви вписалъ!

Она, какъ полдень, хороша,
Она загадочнѣй полночи;
У ней неплакавшія очи
И нестрадавшая душа.

А мнѣ, чья жизнь—борьба и горе,
По ней томиться суждено:
Такъ вѣчно плачущее море
Въ безмолвный берегъ влюблено.

Маленькой цвѣтущей розой мая
Нѣкогда любовь моя была;
Для тебя, подруга дорогая,
Эта роза нѣжная цвѣла.

Но цвѣтокъ, что въ сердцѣ я лелѣялъ,
Вихорь жизни скоро погубилъ:
Пыль его онъ по міру развѣялъ—
И съ тѣхъ поръ весь міръ я полюбилъ.

Снѣжныя главы Кавказа мерещатся въ небѣ лазурномъ
Блѣдной гирляндой, далекимъ воспоминаньямъ подобны.
Видно сквозь дымъ золотистый, какъ холмы, сомкнувшіе берегъ,
Мелкимъ кудрявятся лѣсомъ и дѣлятся мракомъ ущелій.
Въ сѣти полдневныхъ лучей затихъ городокъ живописный,
Здѣсь кипарисомъ рисуясь, тамъ бѣлымъ кичась минаретомъ.

Парусъ вдали розовѣетъ — и все: отдаленныя горы,
Холмы, лѣса и ущелья, и городъ, и розовый парусъ —
Всѣ они внемлютъ, какъ море, лазурно-зеленое море
Мощнымъ гекзаметромъ оду поетъ и поетъ непрерывно
Оду о силѣ Господней, оду о дняхъ мірозданья.

Передъ зарею

Приближается утро, но еще ночь.
Исаія, гл. 21, 12.

Не тревожься, недремлющій другъ,
Если стало темнѣе вокругъ,
Если гаснетъ звѣзда за звѣздою,
Если скрылась луна въ облакахъ,
И клубятся туманы въ лугахъ:
Это стало темнѣй — предъ зарею...

Не пугайся, неопытный братъ,
Что изъ норъ своихъ гады спѣшатъ
Завладѣть беззащитной землею,
Что бѣгутъ пауки, что, шипя,
На болотѣ проснулась змѣя:
Это гады бѣгутъ — предъ зарею...

Не грусти, что во مракѣ ночномъ
Люди мертвымъ покоятся сномъ,
Что въ безмолвіи слышны порою
Только глупый напѣвъ пѣтуховъ
Или злое ворчаніе псовъ:
Это — сонъ, это — лай предъ зарею...

Моя вѣра

Былъ я набожнымъ ребенкомъ,
Вѣрилъ въ Господа, какъ надо,
Что Господь — небесный пастырь,
И что мы — земное стадо.

Ахъ, о пастырѣ небесномъ
Я забылъ въ земной гордынѣ,
Но тому, что люди — стадо,
Вѣрю набожно и нынѣ.

С. Я. Надсонъ

(1862—1887)

Мнѣ снилось вечернее небо
И крупныя звѣзды на немъ,
И блѣдно-зеленыя ивы
Надъ блѣдно-зеленымъ прудомъ;
И весь утонувшій въ сирени
Твой домикъ, и ты у окна:
Вся въ бѣломъ, съ поникшей головкой,
Прекрасна, блѣдна и грустна...

Ты плакала... Свѣтлыя слезы
Катились изъ свѣтлыхъ очей...
И плакали гордыя розы,
И плакалъ въ кустахъ соловей;
И съ каждою новой слезою
Внизу, въ ароматномъ саду,
Мерцая, свѣтлякъ загорался
И небо роняло звѣзду...

Закралась въ уголъ мой тайкомъ,
Мои бумаги раскидала,
Здѣсь росчеркъ сдѣлала перомъ,
Тамъ чей-то профиль набросала;

Къ моимъ стихамъ чужой куплетъ
Приписанъ бѣглою рукою,
А бѣдный пышный мой букетъ
Ощипанъ, будто саранчею!

Разбой, грабежъ! Я не нашелъ
На мѣстѣ ничего, все сбито:
Какъ будто ливень здѣсь прошелъ
Неудержимо и сердито.

Открыты двери на балконъ,
Газетный листъ съ кровати свѣянъ...
О, какъ ты нагло оскорбленъ,
Мой мирный трудъ, и какъ осмѣянъ!

А только встрѣтимся—сейчасъ
Польются звонко извиненья:
«Простите—я была у васъ...
«Хотѣла книгу взять для чтенья...

«Да трудно что-то и читать:
«Жара.... брожу почти безъ чувства...
«А вы къ себѣ?... творить? мечтать?...
«О, бѣдный труженикъ искусства!»

И ждетъ, склонивъ лукавый взглядъ,
Грозы суроваго отвѣта...
А на груди еще дрожатъ
Цвѣты изъ моего букета!...

Жалко стройныхъ кипарисовъ:
Какъ они зазеленѣли!
Для чего, дитя, къ ихъ вѣткамъ
Привязала ты качели?

Не ломай душистыхъ вѣтокъ,
Отнеси качель къ обрыву:
На акацію густую
Иль на пыльную оливу.

Тамъ и море будетъ видно...
Чуть доска твоя качнется—
А оно тебѣ, сквозь зелень,
Въ блескѣ солнца засмѣется:

Съ бѣлымъ парусомъ въ туманѣ,
Съ бѣлой чайкой, вдаль летящей,
Съ бѣлой пѣною, каймою
Вдоль по берегу лежащей.

К. М. Фофановъ

(р. 1862)

Звѣзды ясныя, звѣзды прекрасныя
Разсказали цвѣтамъ сказки чудныя...
Лепестки улыбнулись атласные,
Задрожали листы изумрудные.

И цвѣты, опьяненные росами,
Разсказали вѣтрамъ сказки нѣжныя—
И распѣли ихъ вѣтры мятежные
Надъ землей, надъ волной, надъ утесами.

И земля, подъ весенними ласками,
Наряжалася тканью зеленою,
Переполнила звѣздными сказками
Мою душу безумно влюбленную.

И теперь, въ эти дни многотрудные,
Въ эти темныя ночи ненастныя,
Отдаю я вамъ, звѣзды прекрасныя,
Ваши сказки задумчиво чудныя.

Подъ напѣвъ молитвъ пасхальныхъ
И подъ звонъ колоколовъ,
Къ намъ летитъ весна изъ дальныхъ,
Изъ полуденныхъ краевъ.

Въ зеленѣющемъ уборѣ,
Млѣютъ темные лѣса...
Небо блещетъ—точно море,
Море—точно небеса.

Сосны—въ бархатѣ зеленомъ,
И душистая смола
По чешуйчатымъ колоннамъ
Янтарями потекла.

И въ саду у насъ сегодня
Я замѣтилъ, какъ тайкомъ
Похристосовался ландышъ
Съ бѣлокрылымъ мотылькомъ.

Сумерки росисты; садъ душистъ и зеленъ;
На прудахъ недвижна водяная плѣсень;
Изъ развалинъ замка, изъ сырыхъ расщелинъ,
Ловитъ слухъ невольно звуки чудныхъ пѣсень:
Будто привидѣнья легкой невидимкой
Рѣзво пляшутъ танецъ средь сѣдыхъ развалинъ.
Садъ, дрожа чуть слышно, подъ лиловой дымкой
Сумерекъ іюльскихъ грустенъ и печаленъ.
Ласковыя вѣтки клонятся уныло,
Трепетныя травы шепчутся тоскливо...
Сердце встрепенулось, вмигъ все пережило
И готово вѣрить въ сказочное диво.

Отъ луны небесной, точно отъ лампады,
Бѣлый и прозрачный блескъ разлитъ. Вдали
Темныя аллеи, полныя прохлады,
Шепчутся о тайнахъ неба и земли...

Гдѣ-то торопливо скрипнула калитка,
Кто-то раздвигаетъ влажную сирень...
Вонъ въ саду мелькнула бѣлая накидка,
Въ озаренной чащѣ проскользнула тѣнь...

Нѣтъ, вокругъ все тихо! Это только греза!
За окошкомъ осень... Это шепчетъ мнѣ
Въ ароматной дремѣ молодая роза,
Тихо увядая на моемъ окнѣ...

Задумалась она надъ книгой и чело
Склонила, и слезой подернулись рѣсницы.
Ей чудится вдали убогое село
И на краю села знакомыя гробницы.
И тамъ, межъ старыхъ плитъ, поросшихъ тощимъ мхомъ,
Подгнившій виденъ крестъ съ увянувшимъ вѣнкомъ,
Гдѣ похороненъ онъ, погибнувшій такъ рано,
Съ отважною душой, открытой для добра,
Ея святой кумиръ, герой ея романа,
Одна изъ раннихъ птицъ желаннаго утра...
.... Задумалась она и взоръ свой оторвала
Отъ ласковыхъ страницъ и смотритъ сквозь окно.
А тамъ ужъ сумерекъ спустилось покрывало,
И звѣзды первыя глядятъ съ небесъ давно.

Послѣ бури

Пловцы погибли: не по силамъ
Была имъ буря. Корабли
Разбиты въ щепки. Съ мутнымъ иломъ
На берегъ смолкшій притекли
Кораллъ и жемчуги морскіе,
Какъ будто выкупъ дорогой
То принесли валы сѣдые
За жертвы, взятыя грозой...
Быть можетъ, тамъ, за синей далью,
Съ невыразимою печалью
Пловцовъ погибшихъ ждутъ друзья:
Межъ тѣмъ какъ здѣсь, въ тиши привѣтной,
Сбираетъ жемчугъ бѣлоцвѣтный
Прибрежныхъ жителей семья...

Отзвучали струны сердца,
Догорѣли краски дня;
Нѣтъ огней въ природѣ сонной,
Нѣтъ въ душѣ моей огня.
Только гдѣ-то сиротливо
Въ блѣдномъ сонмѣ думъ моихъ
Брезжетъ свѣтъ воспоминанья,
Какъ звѣзда небесъ ночныхъ.
И томительно, и сладко
Воскресаютъ предо мной
Слезы прежняго страданья,
Пѣсни радости былой...

Такъ послѣднимъ блескомъ тлѣетъ
Подъ золою уголекъ,
Такъ подъ первымъ снѣгомъ дышитъ
Поздней осени цвѣтокъ.

Д. С. Мережковскій

(р. 1865)

Донъ-Кихотъ

Шлемъ—надтреснутое блюдо,
Щитъ—картонный, панцырь жалкій...
Въ стременахъ висятъ, качаясь,
Ноги жалкія, какъ палки.

Но зато, какъ много дѣтской
Доброты въ улыбкѣ нѣжной,
И въ лицѣ худомъ и блѣдномъ—
Сколько вѣры безмятежной!

Для него хромая кляча —
Конь могучій Россинанта,
Эти мельничныя крылья —
Руки мощнаго гиганта.

Видитъ онъ въ тавернѣ грязной
Роскошь царскаго чертога,
Слышитъ въ дудкѣ свинопаса
Звукъ серебрянаго рога.

Санчо Панса ѣдетъ рядомъ,
Гордый видъ его серьезенъ:

Какъ прилично копьеносцу,
Онъ величественъ и грозенъ.

Въ красной юбкѣ, въ пятнахъ дегтя,
Тамъ, надъ кучами навоза,
Эта царственная дама —
Дульцинея де-Тобозо...

Страстно, съ юношескимъ жаромъ,
Онъ толпѣ крестьянъ голодныхъ,
Вмѣсто хлѣба, разсыпаетъ
Перлы мыслей благородныхъ:

«Люди добрые, ликуйте,
«Наступаетъ праздникъ вѣчный:
«Міръ не солнцемъ озарится,
«А любовью безконечной...

«Будутъ всѣ равны; другъ друга
«Перестанутъ ненавидѣть;
«Ни алькады, ни бароны
«Не посмѣютъ васъ обидѣть!

«Пойте, братья, гимнъ побѣдный!
«Этотъ мечъ несетъ свободу,
«Справедливость и возмездье
«Угнетенному народу!»

Изъ приходской школы дѣти
Выбѣгаютъ, бросивъ книжки,
И хохòчутъ, и кидаютъ
Грязью въ рыцаря мальчишки.

Апплодируя, какъ зритель,
Жирный лавочникъ смѣется;
На крыльцѣ своемъ трактирщикъ
Весь отъ хохота трясется.

И почтенный патеръ смотритъ,
Изумленіемъ объятый,
И громитъ безумье вѣка
Онъ латинскою цитатой.

Изъ окна глядитъ цирульникъ,
Онъ прервалъ свою работу,
И съ восторгомъ машетъ бритвой,
И кричитъ онъ Донъ-Кихоту:

«Благороднѣйшій изъ смертныхъ,
«Я желаю вамъ успѣха!...»
И, не въ силахъ кончить фразы,
Задыхается отъ смѣха.

Всѣ довольны, всѣ смѣются
Съ гордымъ видомъ превосходства,
И никто въ немъ не замѣтитъ
Красоты и благородства.

Онъ не чувствуетъ, не видитъ
Ни насмѣшекъ, ни презрѣнья:
Кроткій ликъ его такъ свѣтелъ,
Очи — полны вдохновенья...

Смѣйтесь, люди, но, быть можетъ,
Вы когда-нибудь поймете,
Чтó возвышенно и свято
Въ этомъ жалкомъ Донъ-Кихотѣ:

Святы въ немъ любовь и вѣра,
Этой вѣрою согрѣты
Всѣ великіе безумцы,
Всѣ пророки и поэты!

Пѣсня шута

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя:
То короны и митры сметаетъ, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходитъ къ шуту: «собирайся, Дуракъ,
Я возьму и тебя въ мою ношу,
И къ вѣнцамъ и тіарамъ твой пестрый колпакъ
Въ мою общую сумку я брошу».
Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ,
И колотитъ онъ Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьетъ, что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.
Стонетъ жалобно Смерть: «ой, голубчикъ, постой!»
Но герой нашъ уняться не хочетъ,
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ пустой,
И кричитъ, и безумно хохочетъ:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
«Жизнь и солнце, и смѣхъ всей душою любя,
«Буду жить-поживать, припѣвая:
«Громъ побѣдъ отзвучитъ, красота отцвѣтетъ,
«Но Дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ —
«Но безсмертна лишь глупость людская!»

Ласковый вечеръ съ землею прощался,
Листъ шелохнуться не смѣлъ въ ожиданьи.
Грохотъ телѣги вдали раздавался...
Звѣзды, дрожа, выступали въ молчаньи.

Синее небо глубоко и странно;
Но не смотри ты въ него такъ пытливо,

Но не ищи въ немъ разгадки желанной —
Синее небо, какъ гробъ, молчаливо.

Усни

Уснуть бы мнѣ на вѣкъ, въ травѣ, какъ въ колыбели,
Какъ я ребенкомъ спалъ въ тѣ солнечные дни,
Когда въ лучахъ полуденныхъ звенѣли
Веселыхъ жаворонковъ трели,
И пѣли мнѣ они:
«Усни, усни!»

И крылья пестрыхъ мухъ, съ причудливой окраской,
На вѣнчикахъ цвѣтовъ дрожали, какъ огни,
И шумъ деревъ казался чудной сказкой —
Мой сонъ лелѣя, съ тихой лаской
Баюкали они:
«Усни, усни!»

И, убѣгая въ даль, какъ волны золотыя,
Давали мнѣ пріютъ въ задумчивой тѣни
Подъ кущей вербъ поля мои родныя —
Склонивъ колосья наливные,
Шептали мнѣ они:
«Усни, усни!»

К. Д. Бальмонтъ

(р. 1867)

Свѣча горитъ и меркнетъ и вновь горитъ сильнѣй,
Но меркнетъ безвозвратно сіянье юныхъ дней.
Гори же, разгорайся, пока еще ты юнъ,
Сильнѣй, полнѣй касайся сердечныхъ звонкихъ струнъ,
Чтобъ было что припомнить на склонѣ трудныхъ лѣтъ,
Чтобъ старости холодной свѣтилъ нетлѣнный свѣтъ—
Мечтаній благородныхъ, порывовъ молодыхъ,
Безумныхъ, но прекрасныхъ, безумныхъ—и святыхъ.

У фьорда

Хмуро сѣверное небо,
Скорбны плачущія тучи,
Съ темныхъ скалъ на воды фьорда
Мрачно смотритъ лѣсъ могучій.
Безотрадно здѣсь мерцанье
Безглагольной глубины,
Непривѣтны вздохи вѣтра
Между вѣтками сосны.

Прочь душа отсюда рвется,
Жаждетъ воли и простора,
Жаждетъ луга, травъ душистыхъ,
Ихъ зеленаго убора.
И встревоженной мечтою
Слышишь въ ропотѣ волны —
Колокольчикъ русской тройки
Въ царствѣ степи и луны.

Чайка

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
Надъ холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
Безпріютная чайка изъ дальней страны.

Все мнѣ грезится море да небо глубокое,
Безконечная грусть, безграничная даль,
Трепетаніе звѣздъ, ихъ мерцанье стоокое,
Догорающихъ тучекъ нѣмая печаль.

Все мнѣ чудится вздохъ камыша почернѣлаго,
Глушь родимыхъ лѣсовъ, заповѣдный затонъ
И надъ озеромъ пѣніе лебедя бѣлаго,
Точно сердца несмѣлаго жалобный стонъ.

Картинка

Въ глухую ночь, неясною толпой,
Сбираются души моей созданья,
Тяжелою медлительной стопой
Проходятъ предо мной воспоминанья.
Я слышу пѣсни, смѣхъ и восклицанья,
Я вижу, какъ неровною тропой,
Подъ ласкою вечерняго сіянья,
Предъ сномъ идутъ стада на водопой.
Едва-едва передвигая ноги,
Вздымаютъ пыль клубами у дороги
Толпы овецъ пушистыхъ и быковъ.
Пастухъ усталъ, объ ужинѣ мечтаетъ,
И надо всей картиною витаетъ
Веселый рой безпечныхъ сельскихъ сновъ.

Утро

На вершинѣ горной коршунъ прокричалъ,
Вѣтеръ этотъ возгласъ до меня домчалъ,
Я разсвѣтъ весенній не одинъ встрѣчалъ.
Солнце протянуло острые лучи,
И они зардѣли, ярко-горячи,
И отъ нихъ запѣли горные ключи.
О, какъ много силы и любви вокругъ,
О, какъ нѣжно млѣетъ этотъ горный лугъ,
Я съ тобой душою, мой далекій другъ.
Я гляжу въ долину съ горной высоты,
Въ мысляхъ, полныхъ страсти, расцвѣли цвѣты,
Въ этомъ мірѣ—солнце, въ этомъ сердцѣ—ты!

Трубадуръ

Мадонна, солнце между звѣздъ, мадоннъ прекрасныхъ
украшенье,
Ты въ сладость обращаешь скорбь, даешь и смерть,
и возрожденье.
Какъ саламандра, я горю въ огнѣ любви, но не сгораю,
Какъ лебедь, пѣсню я пою, и послѣ пѣсни умираю.

Мадонна, цвѣтъ среди цвѣтовъ, среди красавицъ укра-
шенье,
Тебѣ — мой вздохъ, тебѣ—мой стихъ, нѣжнѣй, чѣмъ
утра дуновенье.
Какъ фениксъ, я хочу сгорѣть, чтобы возстать пре-
ображеннымъ,
И для мадонны умереть, и для мадонны жить влюблен-
нымъ.

Больной

Ахъ, мнѣ хотѣлось бы немножко отдохнуть!
Я такъ измучился, мнѣ въ тягость всѣ заботы,
И ждать, надѣяться—нѣтъ силъ и нѣтъ охоты,
Я слишкомъ долго жилъ, мнѣ хочется уснуть.
Вотъ видишь, я усталъ. Я жилъ еще немного,
Но слишкомъ долго жилъ: мой день длиннѣй, чѣмъ
годъ.
Я столько зналъ тоски, я столько зналъ невзгодъ,
Что безконечною мнѣ кажется дорога—
Дорога прошлаго. Еще одна ступень,
Еще ступень, еще... И вотъ слабѣютъ силы,
И тѣни прошлаго мнѣ болѣе не милы,

И ночь заманчива, и ненавистенъ день...
Уснуть, навѣкъ уснуть! Какое наслажденье!
И развѣ смерть страшна? Жизнь во сто кратъ страшнѣй.
Всего несноснѣй цѣпь минутъ, часовъ и дней.
Ужасно правды ждать и видѣть заблужденье,
И пылъ своей души безцѣльно расточать,
Жить въ неизвѣстности мучительной и странной,
И вѣчно раздражать себя мечтой обманной,
Чтобъ тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣнчать.
Но ты не сердишься? Я жалуюсь, тоскую...
Ну, нѣтъ, конечно, нѣтъ... Я знаю, ты добра,
О, запоздалая, о, нѣжная сестра!
Дай руку мнѣ свою... вотъ такъ... я поцѣлую,
Я буду цѣловать всѣ пальчики твои.
Ты знаешь, никогда мнѣ счастье не смѣялось,
И въ дѣтствѣ надо мной ни разу не склонялось
Родимое лицо съ улыбкою любви.
Но около тебя я полонъ чѣмъ-то новымъ,
Мнѣ кажется, что я отъ горя отдохнулъ;
Вотъ если бы еще немножко я уснулъ,
Съ постели я бы всталъ совсѣмъ-совсѣмъ здоровымъ...
А если я умру? Ты каждую весну
Вѣдь будешь приходить поплакать у могилы?
Ахъ, какъ-то странно мнѣ... Совсѣмъ теряю силы...
Послушай, не сердись... Я... кажется... усну!

Изъ Эдгара По *)

Похоронный слышенъ звонъ,
Долгій звонъ!

*) Изъ поэмы Колокольчики и Колокола.

Горькой скорби слышны звуки, горькой жизни кон-
ченъ сонъ.
Звукъ желѣзный возвѣщаетъ о печали похоронъ!
И невольно мы дрожимъ,
Отъ забавъ своихъ спѣшимъ,
И рыдаемъ, вспоминаемъ, что и мы глаза смежимъ.
Неизмѣнно-монотонный,
Этотъ возгласъ отдаленный,
Похоронный тяжкій звонъ,
Точно сонъ,
Скорбный, гнѣвный
И плачевный,
Выростаетъ въ долгій гулъ,
Возвѣщаетъ, что страдалецъ непробуднымъ сномъ
уснулъ.
Въ колокольныхъ кельяхъ ржавыхъ,
Онъ для правыхъ и неправыхъ
Грозно вторитъ объ одномъ:
Что на сердцѣ будетъ камень, что глаза сомкнутся
сномъ.
Факелъ траурный горитъ,
Съ колокольни кто-то крикнулъ, кто-то громко гово-
ритъ,
Кто-то черный тамъ стоитъ,
И хохочетъ, и гремитъ,
И гудитъ, гудитъ, гудитъ,
Къ колокольнѣ припадаетъ,
Гулкій колоколъ качаетъ,
Гулкій колоколъ рыдаетъ,
Стонетъ въ воздухѣ нѣмомъ
И протяжно возвѣщаетъ о покоѣ гробовомъ.

С. А. Сафоновъ

(1867—1903)

Это было давно

(Памяти Шопена)

Это было давно... Я не помню, когда это было...
Пронеслись, какъ видѣнья, и канули въ вѣчность
года...
Утомленное сердце о прошломъ теперь позабыло...
Это было давно... Я не помню, когда это было—
Можетъ быть—никогда...

Я не знаю тебя... Послѣ долгой печальной разлуки,
Какъ мнѣ вспомнить твой голосъ, твой взглядъ,
очертанье лица,
И ласкавшія нѣкогда милыя, нѣжныя руки?...
Я не знаю тебя послѣ долгой печальной разлуки,
Послѣ слезъ безъ конца...

Иногда... иногда, мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю
Въ вихрѣ жизни безумномъ, въ разгарѣ людской суеты,
Жду тебя и зову, всѣ движенья твои замѣчаю...
Иногда... иногда, мнѣ сдается, тебя я встрѣчаю...
Но вглядусь—нѣтъ, не ты!...

Это было давно... Я не помню, когда это было—
Но безсонныя ночи, но думы... Какъ жутко тогда,
Какъ мнѣ хочется счастья, какъ прошлое близко и
мило...
Это было давно... Я не помню, когда это было...
Но со мной ты всегда!

Allegro

(П. С. Соловьева)

(р. 1867)

Я проснулся... Мнѣ счастіе спать не даетъ.
Рано утромъ оно ворвалось вмѣстѣ съ солнцемъ
ко мнѣ;
Вмѣстѣ съ пѣніемъ птицъ, не смолкая, звучитъ и
поетъ,
И всю ночь мнѣ звучало, сіяло и пѣло во снѣ.

И я знаю, что если окно мнѣ открыть,
Вѣтерокъ съ дальнихъ горъ принесетъ мнѣ душистый
привѣтъ,
И когда бъ можно было еще мнѣ сильнѣй полюбить,
Полюбилъ бы сильнѣй я и утро, и горы, и свѣтъ...

День догорѣлъ; въ изнеможеньѣ
Вздыхая, вѣтеръ пролетѣлъ,
Пролепеталъ еще мгновенье
И задремалъ, и онѣмѣлъ.

Все обнялъ ночи сумракъ мглистый,
И лишь блестятъ изъ темноты
Березы призракъ серебристый
И липы блѣдные цвѣты.

На столъ нашъ, ярко освѣщенный,
Толпы крылатыя летятъ,
И мотылекъ полусожженный
Предсмертнымъ трепетомъ объятъ.

День умеръ, ночь близка... Извилистой каймою
Всталъ темный лѣсъ подъ гранью блѣдныхъ тучъ,
Молчитъ, поникнувъ, поле предо мною,
А воздухъ тихъ, и влаженъ, и пахучъ.

Иду какъ бы во снѣ, забытомъ, но знакомомъ,
Пятномъ луна зардѣла и взошла...
Боюсь спугнуть простымъ холоднымъ словомъ,
Что эта ночь душѣ передала.

Я вѣрить не могу, что нѣтъ тебя со мною,
Быть можетъ, мнѣ лишь чудится во снѣ,
Что я одинъ съ туманной тишиною,
Что ты одна въ далекой сторонѣ.

Одинъ по сумрачной аллеѣ
Бреду. Темнѣетъ неба сводъ.
Въ душѣ все ярче, все смѣлѣе
Былого призракъ возстаетъ.

И какъ осенніе туманы
Ползутъ надъ грустною землей,
Такъ позабытые обманы
Опять проходятъ предо мной.

Опавшихъ листьевъ шумъ прощальный
Одинъ въ вечерней тишинѣ,
Какъ совѣсти упрекъ печальный
Опять волнуетъ душу мнѣ.

И вспомнилось съ тоской глубокой
Все, что на мигъ я позабылъ...
Мой бѣдный другъ, мой другъ далекій,
Простишь ли ты, какъ я простилъ?...

Помнишь, мы надъ тихою рѣкою
Въ ранній часъ шли дѣтскою четой:
Я—съ моею огненной тоскою,
Ты—съ твоею бѣлою мечтой.
И вездѣ—гдѣ взоръ мой замедлялся,
И вездѣ—куда глядѣла ты,
Міръ, огнемъ сверкая, загорался,
Выростали бѣлые цвѣты...
Люди шли, рождались, умирали,
Ихъ пути намъ были далеки:
Мы, склонясь надъ берегомъ, внимали
Тихимъ сказкамъ медленной рѣки.
Если тьма дышала надъ рѣкою,
Мы боролись съ злою темнотой:
Я—моею огненной тоскою,
Ты—своею бѣлою мечтой...

И теперь—когда проходятъ годы,
Узкій путь къ закату насъ ведетъ,
Гдѣ насъ ждутъ немеркнущіе своды,
Гдѣ намъ вѣчность пѣснь свою поетъ.
Мы, какъ встарь, идемъ рука съ рукою
Для людей непонятой четой:
Я—съ моею огненной тоскою,
Ты—съ твоею бѣлою мечтой.

А. М. Ѳедоровъ

(р. 1868)

Журавли

Журавли, журавли прилетѣли!
Нынче я увидалъ изъ окна,
Какъ они покружились и сѣли...
Журавли, журавли прилетѣли—
И свѣтлѣй улыбнулась весна.

На землѣ черноземной и влажной
Журавли собрались на совѣтъ:
Какъ согласенъ ихъ говоръ протяжный!
На землѣ черноземной и влажной
Жизнерадостнѣй музыки нѣтъ.

Я сегодня въ весеннемъ туманѣ;
Самъ не свой, я безъ цѣли брожу...
Журавли на холмахъ, на полянѣ...
Я сегодня въ весеннемъ туманѣ
И любимое имя твержу.

Въ старомъ домѣ все вновь оживаетъ:
Госпожа изъ далекой земли
Каждый годъ по веснѣ прiѣзжаетъ...

Въ старомъ домѣ все вновь оживаетъ...
О, какъ я васъ люблю, журавли!

Изъ Стекетти

Шарманка за окномъ на улицѣ поетъ.
Мое окно открыто. Вечерѣетъ.
Туманъ съ полей мнѣ въ комнату плыветъ.
Весны дыханье ласковое вѣетъ...
Не знаю, отчего дрожитъ моя рука;
Не знаю, отчего въ слезахъ моя щека.
Вотъ голову склонилъ я на руки, глубоко
Взгрустнулось о тебѣ. А ты... ты такъ далеко!

Д. П. Шестаковъ

(р. 1869)

Чуждая гавань и люди чужіе, и яркое небо
Словно чужое. Глядишь—вѣрить не смѣешь очамъ.
Улицы—моря шумнѣй, и въ пламени воздухъ, и пышно
Золото страстныхъ лучей сыплетъ чарующій день.
Клѣтка открылась—бѣги... Но что же ты смотришь, волнуясь,
Будто въ смущеньѣ, назадъ, съ палубы медля сойти?
Иль запросилося сердце туда—въ эту ширь голубую,
Гдѣ неумолчной волны смутно качается зыбь?
Тамъ ли родное внятнѣй мечтѣ открывается зоркой
Въ свѣтлой мелодіи звѣздъ, въ важной гармоніи водъ?...

Тоскана

Полно, мой добрый хозяинъ! Къ чему въ свой кубокъ глубокій
Льешь упоительныхъ чаръ южнаго нектара мнѣ?
Вѣрь мнѣ, и Геба сама меня бъ опьянила не слаще,
Чѣмъ этотъ воздухъ, и зной, эта прозрачная даль,

И на порогѣ твоемъ, межъ розъ и зелени, взоры,
Полные солнца и мглы, дочери смуглой твоей.

Собаки

Что за тревожную ночь послали сегодня мнѣ боги!
Строго-прекрасная къ намъ въ свѣтломъ молчаньѣ сошла.
Небо казалось очамъ фантастично-глубокой поэмой,
Полной мерцающихъ тайнъ, полной звѣздящихся слезъ.
И къ озаренной водѣ сбѣгались туманныя тѣни,
Точно сбирались отплыть и поджидали гребца...
Нервы натянуты были, какъ струны, готовыя къ пѣнью.
Вдругъ исполнительный песъ поднялъ отчаянный лай.
Чу, полководца признала и славитъ лохматая стая:
Рѣзко дисканты визжатъ, глухо рокочутъ басы,
Мудрый политикъ миритъ, а молодость требуетъ боя,
И разглашаетъ набатъ внутренней смуты пожаръ.

Ив. А. Бунинъ

(р. 1870)

На распутьи

В. М. Васнецову

На распутьи въ дикомъ древнемъ полѣ
Черный воронъ на крестѣ сидитъ.
Заросла бурьяномъ степь на волѣ,
И въ травѣ заржавѣлъ старый щитъ.

На распутьи люди начертали
Роковую надпись: «Путь прямой
Много бѣдъ готовитъ, и едва ли
Ты по немъ воротишься домой.

«Путь направо безъ коня оставитъ—
Побредешь одинъ и сиръ, и нагъ,
А того, кто влѣво путь направитъ,
Встрѣтитъ смерть въ незнаемыхъ поляхъ».

Жутко мнѣ! Вдали стоятъ могилы...
Въ нихъ былое дремлетъ вѣчнымъ сномъ...
«Отзовися, воронъ чернокрылый!
Укажи мнѣ путь въ краю глухомъ.

«Я покинулъ островъ Царь-Дѣвицы,
Сине море, теремъ и сады,
Не ищу я по свѣту Жаръ-Птицы—
Укажи мнѣ ключъ живой воды,

«Свѣтлый ключъ, который воскрешаетъ
Усыпленныхъ мертвою водой
И цвѣтами степи украшаетъ,
Призывая къ жизни молодой!»

Но молчитъ угрюмо воронъ вѣщій,
Неподвижно на крестѣ сидитъ
И угрюмо, зоркій и зловѣщій,
На меня и на коня глядитъ.

Дремлетъ полдень. На тропахъ звѣриныхъ
Тлѣютъ кости въ травахъ. Три пути
Вижу я въ желтѣющихъ равнинахъ...
Но куда и какъ по нимъ итти?...

Гдѣ равнина дикая граничитъ?
Кто, пугая чуткаго коня,
Въ тишинѣ изъ синей дали кличетъ
Человѣчьимъ голосомъ меня?

И ужели нѣтъ пути иного,
Гдѣ бы могъ пройти я, не губя
Ни надеждъ, ни счастья, ни былого,
Ни коня, ни самого себя?

Вѣетъ поле тишиной великой!
Мертвецы въ могилахъ древнихъ спятъ.
Очарованъ красотою дикой,
Опускаю я покорно взглядъ.

Вижу я курганы въ тихомъ полѣ...
Много лѣтъ стоятъ они, и нѣтъ

Дѣла имъ до нашей бѣдной доли,
До мгновенныхъ радостей и бѣдъ!

И одинъ я въ полѣ, и отважно
Жизнь зоветъ, а смерть въ глаза глядитъ...
Черный воронъ сумрачно и важно,
Полусонный, на крестѣ сидитъ.

Вирь

Гдѣ ельникъ сумрачный стоитъ
Въ лѣсу зубчатомъ темнымъ строемъ,
Гдѣ старый позабытый скитъ
Манитъ задумчивымъ покоемъ,

Есть птица Вирь. Ея уборъ
Весь сѣро-аспиднаго цвѣта,
Головка въ хохолкѣ, а взоръ
Исполненъ скорбнаго привѣта.

Она такъ жалостно поетъ,
Съ такою нѣжностью глубокой,
Что если къ скиту забредетъ
Случайно спутникъ одинокій—

Онъ не покинетъ тѣ мѣста:
Лѣсъ молчаливый и унылый
И скорбной пѣсни красота
Полны таинственною силой!

Вирь тихо плачетъ межъ вѣтвей,
Вирь состраданія не знаетъ,
И человѣкъ идетъ за ней
И дней печальныхъ не считаетъ.

Безмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятый,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнитъ лишь одни закаты.

И вотъ, когда въ лѣсу пустомъ
Горитъ заря, а ельникъ черный
Стоитъ на фонѣ золотомъ
Стѣною траурно-узорной,

Съ какой отрадой ловитъ онъ
Все, что зарей еще печальнѣй:
Вечерній колокольный звонъ,
Напѣвы женщинъ въ рощѣ дальней,

И гулъ сосны, и вѣтерка
Однообразный шелестъ въ чащѣ...
Невыразима ихъ тоска,
И нѣтъ ея больнѣй и слаще!

Когда же лѣсъ, одѣтый тьмой,
Сгустится въ ней, и тьма сольется
Съ его могильной бахромой—
Вирь въ темнотѣ тревожно вьется,

Въ испугѣ бьется средь вѣтвей,
Тоскливо стонетъ и рыдаетъ,
И тѣмъ тоскливѣй, тѣмъ грустнѣй,
Чѣмъ человѣкъ больнѣй страдаетъ...

Въ старинной книгѣ прочиталъ
Я эту повѣсть. Вирь донынѣ
Живетъ въ лѣсу, гдѣ скитъ стоялъ,
Гдѣ лѣсъ безмолвенъ, какъ въ пустынѣ.

Я вѣрю грустнымъ тѣмъ мѣстамъ,
Я вѣрю темному преданью...
Я посвящаю «Вирь» мечтамъ
И одинокому страданью.

———

Ковыль

Ненастный день. Дорога прихотливо
Уходитъ въ даль. Кругомъ все степь да степь.
Шумитъ трава дремотно и лѣниво.
Нѣмыхъ могилъ сторожевая цѣпь
Среди хлѣбовъ загадочно синѣетъ,
Кричатъ орлы, пустынный вѣтеръ вѣетъ
Въ задумчивыхъ тоскующихъ поляхъ,
Да тѣнь отъ тучъ кочующихъ темнѣетъ...
А путь бѣжитъ... Не тотъ ли это шляхъ,
Гдѣ Игоря обозы проходили
На синій Донъ? Не въ этихъ ли мѣстахъ
Въ глухую ночь, въ яругахъ волки выли,
А днемъ орлы на медленныхъ крылахъ
Его въ степи безбрежной провожали
И клектомъ псовъ на кости созывали,
Грозя ему великою бѣдой?

— Гей, отзовись, степной орелъ сѣдой!
Отвѣть мнѣ, вѣтеръ буйный и тоскливый...

Безмолвна степь. Одинъ ковыль сонливый
Шуршитъ, склоняясь ровной чередой...

———

Догорѣлъ апрѣльскій свѣтлый вечеръ,
По лугамъ холодный сумракъ легъ.
Спятъ грачи; далекій шумъ потока
Въ темнотѣ таинственно заглохъ.

Но свѣжѣе пахнетъ зеленями
Молодой озябшій черноземъ,
И струится чище надъ полями
Звѣздный свѣтъ въ молчаніи ночномъ.

По лощинамъ, звѣзды отражая,
Ямы свѣтятъ тихою водой.
Журавли, другъ друга окликая,
Осторожной тянутся гурьбой.

А Весна въ зазеленѣвшей рощѣ
Ждетъ зари, дыханье затая,
Чутко внемлетъ шороху деревьевъ,
Зорко смотритъ въ темныя поля.

. . . .

Весна, весна! И все ей радо;
Какъ въ забытьи какомъ стоишь
И слышишь свѣжій запахъ сада
И теплый запахъ талыхъ крышъ.

Кругомъ вода журчитъ, сверкаетъ,
Крикъ пѣтуховъ звучитъ порой,
А вѣтеръ, мягкій и сырой,
Глаза тихонько закрываетъ.

То разрастаясь, то слабѣя,
Громъ за усадьбой грохоталъ;
Шумѣла тополей аллея,
На стекла сумракъ набѣгалъ.

Все ниже тучи наплывали;
Все ощутительнѣй, свѣжѣй
Порывы вѣтра обвѣвали
Дождемъ и запахомъ полей.

Въ поляхъ хлѣба къ межамъ клонились...
А изъ лощинъ и изъ садовъ—
Отвсюду съ вѣтромъ доносились
Напѣвы раннихъ соловьевъ.

Но вотъ, по тополямъ и кленамъ
Холодный вихорь пролетѣлъ...
Сухой бурьянъ зашелестѣлъ,
Окно захлопнулось со звономъ,

Блеснула молнія огнемъ...
И вдругъ надъ самой крышей дома
Раздался трескъ короткій грома
И тяжкій грохотъ... Все кругомъ

Затихло сразу и глубоко,
Садъ потемнѣвшій присмирѣлъ—
И благодатно, и широко
Весенній ливень зашумѣлъ.

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ,
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ:
Голосъ грустной удалью звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была безмолвна и прохладна.

Что въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю. Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

И хотѣлось мнѣ простить тебѣ
Все, что въ сердцѣ я скрывалъ глубоко,
Покориться горестной судьбѣ
И уйти—навѣкъ и одиноко,

Выплакать страданія свои,
И, скитаясь ночью въ темномъ полѣ,
Пѣть о прошломъ счастьѣ и о волѣ,
О своей загубленной любви!

Отдохни—еще утро не скоро,
Ночь изъ тихихъ лѣсовъ не ушла.
Подъ навѣсами соннаго бора—
Предразсвѣтная теплая мгла.

Еще раннія птицы не пѣли;
Чуть сѣрѣютъ вверху небеса,
Влажно-зелены темныя ели,
Пахнетъ лѣтнею хвоей роса...

И пускай не свѣтаетъ подольше!
Этотъ медленный путь по лѣсамъ,
Эта ночь—не воротится больше,
Но легко предъ разлукою намъ.

Любимъ мы предъ разлукой нѣжнѣе,
И теперь на душѣ у меня
Нѣтъ тоски: никогда мы дружнѣе
Не встрѣчали и лучшаго дня!

Колокольчикъ въ молчаніи бора
То замретъ, то опять запоетъ...
Тихо ночь по долинамъ идетъ...
Отдохни—еще утро не скоро.

Подъ небомъ мертвенно-свинцовымъ
Угрюмо меркнетъ зимній день,
И нѣтъ конца лѣсамъ сосновымъ,
И далеко до деревень.

Одинъ туманъ молочно-синій,
Какъ чья-то кроткая печаль,
Надъ этой снѣжною пустыней
Смягчаетъ сумрачную даль.

Валерій Брюсовъ

(р. 1873)

Такъ все понятно и знакомо,
Ко всѣмъ изгибамъ глазъ привыкъ;
Да, не ошибся я, я—дома:
Цвѣты обоевъ, цѣпи книгъ...
Я старый пепелъ не тревожу—
Здѣсь былъ огонь и вотъ остылъ.
Какъ змѣй на сброшенную кожу,
Смотрю на то, чѣмъ прежде былъ.
Пусть много гимновъ не допѣто
И не исчерпано блаженствъ,
Но чую блескъ иного свѣта,
Возможность новыхъ совершенствъ!
Меня зоветъ къ безвѣстнымъ высямъ
Въ горахъ поющая весна,
А эта груда женскихъ писемъ
И не жива, и холодна!
Лучей зрачки горятъ на росахъ,
Какъ серебромъ, все залито...
Ты ждешь меня у двери, посохъ!
Иду! иду!...

Чудовища

Во всѣхъ углахъ жилья, въ проходахъ, за дверьми
Стоятъ чудовища, незримыя людьми:
Болѣзни, ужасы и думы тѣхъ, кто прежде
Жилъ въ этихъ комнатахъ и вѣрилъ здѣсь надеждѣ.
И всѣ мы, съ первыхъ дней вступая въ старый домъ,
Подъ ихъ вліяніемъ таинственнымъ живемъ.
Ихъ образъ—какъ у птицъ. Какъ глупые пингвины,
Они стоятъ во мглѣ, къ стѣнѣ притиснувъ спины
И чинно крылышки прижавъ къ своимъ бокамъ;
Какъ грифы сѣрые, нахохлясь, по угламъ,
За печкой, за бюро сидятъ неясной грудой;
Какъ совы, на шкапахъ таятся, и оттуда
Глядятъ незрячими глазами цѣлый день.
При свѣтѣ дня ихъ нѣтъ, они—пустая тѣнь,
И только вечеромъ, когда уносятъ свѣчи,
И гдѣ-то вдалекѣ шумятъ за чаемъ рѣчи—
Въ потемкахъ, въ комнатахъ, безмолвныхъ съ давнихъ поръ,
Они выходятъ всѣ изъ мрака и изъ норъ,
Гуляютъ и шумятъ, за мигомъ мигъ смѣлѣе,
Почти-что на виду вытягиваютъ шеи,
Пугаютъ мальчика, боящагося мглы,
И, лишь внесутъ огонь, скрываются въ углы.
А послѣ, полночью, въ квартирѣ, тупо спящей,
Блуждаютъ, властные, какой-то ратью мстящей,
Мечтами давнихъ лѣтъ холодный сонъ томятъ
И въ губы спящаго вдыхаютъ мертвый ядъ.

Наполеонъ

Да! На дорогѣ поколѣній,
На пыли расточенныхъ лѣтъ
Твоихъ шаговъ, твоихъ движеній
Остался неподвижный слѣдъ.

Ты скованъ былъ по мысли Рока
Изъ тяжести и властныхъ силъ:
Не могъ ты не ступать глубоко—
И шагъ твой землю тяготилъ.

Что строилось трудомъ суровымъ,
Вставало медленно въ вѣкахъ,
Ты сокрушалъ случайнымъ словомъ,
Движеньемъ повергалъ во прахъ.

Самъ изумленъ служеньемъ счастья,
Ты, какъ пращей, металъ войска
И міровое самовластье
Бросалъ, какъ ставку игрока.

Пьянѣя славой неизмѣнной,
Ты шелъ сквозь міръ, круша, дробя...
И стало, наконецъ, вселенной
Не въ моготу носить тебя.

Земля дохнула полной грудью,
И ты, какъ листъ въ дыханьи грозъ,
Взвился—и полетѣлъ къ безлюдью,
И палъ, безсильный, на утесъ,—

Гдѣ, на раздольи одичаломъ,
Отъ вѣка этихъ дней ждала

Тебя достойнымъ пьедесталомъ
Со дна встающая скала.

Каменщикъ

Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ!
Что ты тамъ строишь? Кому?
—Эй, не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

—Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
—Вѣрно не ты и не твой братъ, богатый:
Незачѣмъ вамъ воровать.

—Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?
—Можетъ быть, сынъ мой, такой же рабочій:
Тѣмъ наша доля полна.

—Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!...
—Эй, берегись! подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

Кинжалъ

Онъ вырванъ изъ ноженъ и блещетъ вамъ въ глаза,
Какъ и въ былые дни—отточенный и острый.
Поэтъ всегда съ людьми, когда шумитъ гроза,
И пѣсня съ бурей—вѣчно сестры.

Когда не видѣлъ я ни дерзости, ни силъ,
Когда всѣ подъ ярмомъ клонили, молча, выи—
Я уходилъ въ страну молчанья и могилъ,
Въ вѣка загадочно былые.

Какъ ненавидѣлъ я всей этой жизни строй,
Позорно-мелочный, неправый, некрасивый,
Надъ зовами къ борьбѣ я хохоталъ порой,
Не вѣря въ робкіе призывы.

Но, чуть заслышавши призывный первый громъ,
Я отзывъ вамъ кричу, я вамъ слуга сегодня;
И чѣмъ опаснѣй ночь, и чѣмъ темнѣй кругомъ—
Тѣмъ въ пѣсняхъ я свободнѣй.

Кинжалъ поэзіи! Кровавый молній свѣтъ
Нежданно пробѣжалъ по этой вѣрной стали,
И снова я съ людьми—затѣмъ, что я поэтъ,
Затѣмъ, что молніи сверкали.

У перекрестка двухъ дорогъ
Журчанье тихое фонтана;
Источникъ скуденъ и убогъ,
На камнѣ надпись изъ корана.
Здѣсь дышитъ скромный кипарисъ,
Здѣсь дремлетъ пыльная олива,
А ручеекъ сбѣгаетъ внизъ
Къ прибрежью вольнаго залива.

Г. А. Галина

(р. 1873)

Какъ хорошо... Взгляни: вдали
Огнемъ горитъ рѣка;
Цвѣтнымъ ковромъ луга легли,
Бѣлѣютъ облака.

Здѣсь нѣтъ людей... Здѣсь тишина...
Здѣсь—только Богъ да я,
Цвѣты да старая сосна,
Да ты, мечта моя...

Пускай погибшими мечтами
Полны протекшіе года —
Веснѣ съ душистыми цвѣтами
Не измѣню я никогда!

И старость высохшей рукою
Мнѣ сердце злобой не сожметъ:
Я вспомню молодость весною—
И сердце снова запоетъ!...

И въ часъ послѣдній, засыпая,
Глаза усталые сомкну
И отойду, благословляя
Мою послѣднюю весну.

И все, что въ жизни мнѣ свѣтило
Горячимъ солнцемъ ясныхъ дней,
Все, чѣмъ жила и что любила,
Я унесу съ душой моей.

И гробъ весной мнѣ будетъ тѣсенъ,
И цѣпи смерти я порву...
И пѣсней, лучшею изъ пѣсенъ—
Цвѣткомъ весеннимъ оживу!

Ив. Рукавишниковъ

(р. 1877)

* * *

Не забывай своихъ страданій,
Ставь вѣхи на своемъ пути,
Чтобъ могъ, въ часы воспоминаній,
Съ запасомъ опыта и знаній,
Ты снова этотъ путь пройти.

В. В. Башкинъ

(р. 1880)

На черный уступъ молчаливой и мертвой скалы
Одинъ за другимъ опускались сѣдые орлы,

Садились на камни и когти острили о нихъ,
И громко сзывали товарищей младшихъ своихъ.

Тяжелъ, но увѣренъ былъ крыльевъ размѣренный
взмахъ,
И гнѣвная сила сверкала въ горящихъ глазахъ,

И вновь прилетавшаго крикомъ встрѣчали они:
«Товарищъ! Не медли! Приходятъ желанные дни!»

За деревней

Прохладно за старою ригой,
Гдѣ дремлетъ раскидистый дубъ,
Гдѣ пахнетъ смолою душистой
Поставленный заново срубъ.

По только что вырытымъ грядамъ
Заносчиво ходитъ пѣтухъ.
У влажной, веселой тропинки
Помятъ молчаливый лопухъ.

Не даромъ все утро ворчала
Глухая хозяйка на насъ:
Закрыть мы забыли калитку,
Открыта она и сейчасъ.

Пришли ребятишки гурьбою,
Идти насъ на рѣчку зовутъ,
Крестьянскія дѣвушки пѣсни,
Сажая разсаду, поютъ.

Жужжатъ золотистыя мухи,
Прозрачное небо свѣтло,
И съ блѣдной весенней лазури
Весеннее льется тепло.

В. М. Волькенштейнъ

(р. 1883)

До неба лѣсъ возросъ, дубовый, вѣковой—
Хранилище глухой, прохладно-влажной тѣни,
И птицъ, невидимыхъ подъ мрачною листвой,
И думъ таинственныхъ, и благодатной лѣни.
Кругомъ рѣшеткою сошлись стволы; вверху
Тяжелой крышею нависли вѣтви. Чудно:
Вдругъ щелью проскользнетъ лучъ солнца и во мху
Зардѣетъ и въ травѣ зардѣетъ изумрудной.

Изъ сѣверныхъ записокъ

При золотистомъ свѣтѣ ночника
Порой на стѣнахъ комнаты унылой
Мелькаютъ тѣни въ странной суетѣ.
Еловыя игольчатыя вѣтви
Отрывисто тогда въ окно стучатъ
И вздрагиваютъ, по вѣтру качаясь.
И лишь вблизи доступенъ глазу лѣсъ,
Покрытый мягкимъ, тускло-бѣлымъ снѣгомъ;
Лучъ ночника теряется во мглѣ,

И чудится, что нѣту ей предѣла,
Что холодомъ ея теперь навѣкъ
Охваченъ я, что скоро самъ застыну,
Какъ вся кругомъ угрюмая страна.
Быть можетъ, я уже лишь смутный призракъ...
И словно двѣ я жизни пережилъ:
Одну—еще не такъ давно, и радъ я,
Что, наконецъ, окончилась она...

. . . .

О жизни сожалѣю я другой...
То было здѣсь, на сѣверѣ, то было,
Когда еще царили въ небесахъ
Могучіе таинственные боги.
Охота беззаботная неслась
Тогда по потрясенной, гулкой чащѣ,
И падали, сраженные копьемъ,
Тяжелые кабаны и олени.
А тамъ, вдали, на пѣнныхъ волнахъ моря,
Скользили темнокрылыя ладьи,
И цѣпь костровъ сверкала на прибрежьи,
Гдѣ пиршество веселое ждало
Героевъ, возвратившихся съ набѣга,
Гдѣ скальды прославляли ихъ разгулъ...
Суровое, торжественное время!
И Норны міру гибель предрекли
Отъ яростной судьбы... И все исчезло.

. . . .

Стихаетъ полночь... Я одинъ... Темно;
Ночникъ погасъ. Воспоминанья таютъ—
И вотъ ужъ грезой кажутся они.

Алфавитный указатель

[illegible]

